

2007114087

152
24

ПО ТУНДРАМЪ ТИМАНСКИХЪ САМОѢДОВЪ

ЛѢТОМЪ 1892 г.

1750-0

Г. И. Танфильева.

(Съ картою).

(Читано въ Общемъ собраніи И. Р. Г. О. 13 октября 1892 г.)

Министерство Государственныхъ Имуществъ предприняло въ прошломъ, 1892 г. изслѣдованіе тундры самоѣдовъ Архангельской губерніи. Цѣлью изслѣдованія было всестороннее изученіе условій быта мѣстнаго кочевого населенія, основой благосостоянія котораго справедливо считается сѣверный олень. Прежде всего необходимо было, поэтому, изучить тундру, какъ пастбище для оленя, затѣмъ самое оленеводство и, наконецъ, бытъ коренныхъ жителей края, самоѣдовъ, и отношеніе ихъ къ пришлымъ людямъ, русскимъ и зырянамъ.

Выполненіе естественно-исторической части задачи, изслѣдованіе тундры и изученіе условій быта самоѣдовъ, было поручено мнѣ, а мой товарищъ по экспедиціи, ветеринарный врачъ Снѣгиревъ, командированный въ тундру на круглый годъ и путешествующій по совершенно самостоятельному маршруту, долженъ былъ заниматься спеціально изученіемъ быта самоѣдовъ : всѣхъ деталей оленеводства.

Въ предлагаемой статьѣ помѣщается только общій обзоръ путешествія, въ полный же отчетъ войдутъ, между прочимъ, нѣкоторыя новыя топографическія данныя, метеорологическія наблюденія, болѣе полная ботаническая характеристика тундры, луговъ и лѣсовъ, списокъ привезенныхъ мною изъ тундры и опредѣлен-

[СНГ 1294]

ныхъ консерваторомъ Императорской Академіи Наукъ С. М. Герценштейномъ, рыбъ, данныя о рыбныхъ и звѣриныхъ промыслахъ, статистическія свѣдѣнія о самоѣдахъ и русскихъ.

Прежде чѣмъ приступить къ описанію своей поѣздки на сѣверъ, я считаю пріятнымъ долгомъ выразить здѣсь живѣйшую благодарность мѣстной администраціи, въ лицѣ бывшаго архангельскаго губернатора князя Н. Д. Голицына, за оказанное мнѣ широкое содѣйствіе, — и старшему геологу Геологическаго Комитета, О. Н. Чернышеву, по совѣтамъ и указаніямъ котораго мною былъ составленъ маршрутъ и организована вся хозяйственная сторона путешествія.

Исходнымъ пунктомъ для путешествія служить городъ Мезень. Здѣсь было приглашено мною четверо постоянныхъ рабочихъ, приобрѣтены ящики и спиртъ для коллекцій, провизія на все лѣто, подарки для самоѣдовъ и пр. 6-го іюня (по старому стилю) кладь была нагружена въ лодку, подготовленную къ путешествію въ селѣ Дорогой Горѣ, близъ устья рѣки Пезы. Въ тотъ-же день лодка отчалила отъ пристани на Пезѣ и двое рабочихъ, ставшихъ въ лямки, потащили судно вверхъ по теченію, на востокъ, обычнымъ Печорскимъ трактомъ¹⁾. Подготовка лодки состояла только въ устройствѣ на ней потолка или «болка» изъ досокъ, подъ которымъ можно было, укрываясь отъ дождя, лежать или, въ крайнемъ случаѣ, сидѣть.

По Пезѣ, описанной Шренкомъ, бывшимъ здѣсь въ 1837 году, я прошелъ до устья Варшинской виски, всего около трехсотъ верстъ, на что потребовалось ровно недѣля времени.

Далѣе я поднялся по Варшинской вискѣ²⁾ въ Варшинскія озера, посѣщенные до меня только гельсингфорскимъ профессоромъ Кильманомъ, сколько мнѣ извѣстно, еще не описавшимъ этого пути. Быстрое и извилистое теченіе виски и отсутствіе бичевника, такъ какъ къ самому берегу подступаетъ густой еловый или сосновый лѣсъ, заставляютъ подыматься по рѣкѣ на шестахъ. Въ безчисленныхъ и крутыхъ извилинахъ рѣки лодку, при малѣйшей неосторожности, отбрасываетъ сильнымъ теченіемъ

¹⁾ Конный путь на Печору въ село Усть-Цыльму, административный центръ образованнаго въ 1891 г. Печорскаго уѣзда, началъ прокладываться только въ прошломъ году.

²⁾ Виской называютъ въ Печорскомъ краѣ рѣку, вытекающую изъ озера.

назадъ, такъ что приходится подыматься снова, чтобы, быть можетъ, снова попасть въ быстрину. 120, приблизительно, верстъ, которые рѣка протекаетъ, мы подымались 37 слишкомъ часовъ, проходя, однако, въ день не болѣе 25 — 30 верстъ, такъ какъ работа шестами, происходившая все время подъ дождемъ, сильно утомляла рабочихъ.

Верстахъ въ восьми отъ устья, рѣка перегороджена сплошнымъ рыболовнымъ заборомъ, «язомъ», какія на сѣверѣ можно встрѣтить чуть ли не на каждой рѣкѣ.

Система Варшинскихъ озеръ, лежащая на лѣсистомъ водораздѣлѣ Пезы и Чешской губы и нанесенная на существующія карты совершенно невѣрно, очевидно, по разспроснымъ свѣдѣнiямъ, состоитъ изъ четырехъ крупныхъ, чрезвычайно живописныхъ, озеръ и цѣлаго ряда болѣе мелкихъ.

Первое озеро, считая съ юга, Варша, состоитъ изъ двухъ, вытянутыхъ съ сѣвера на югъ и соединенныхъ по длинной оси, частей (передней и задней губъ), второе озеро—Пелядь, третье—Лаюшево и, наконецъ, четвертое—Борматъ, какъ и Варша, также двойное, причемъ обѣ продолговатыя части его поставлены другъ къ другу подъ прямымъ угломъ. Варша, Пелядь и Лаюшево почти непосредственно примыкаютъ другъ къ другу, тогда какъ Лаюшево соединено съ Борматомъ при помощи вьски, длиною около семи верстъ.

Всѣ эти озера лѣтомъ посѣщаются рыболовами съ Мезени и Пезы, построившими здѣсь промысловыя избы.

Отъ озера Бормата, принадлежащаго еще къ системѣ рѣки Мезени, ведетъ 15 верстный волокъ на рѣку Пешу, впадающую уже въ Чешскую губу Ледовитаго океана. Этотъ волокъ я прошелъ на оленяхъ 25-го iюня, а 26-го, благополучно миновавъ сильно обмелѣвшiе пороги на рѣкѣ Пешѣ, я прибылъ въ русское село Пешу, лежащее на рѣкѣ въ 80 верстахъ отъ ея устья.

Отъ Пешы я рѣшилъ пройти къ Печорѣ по сѣверной границѣ лѣсной полосы, въ общихъ чертахъ намѣченной въ 1890 г. экспедицею О. Н. Чернышева¹⁾, а отъ Печоры обратно къ Пешѣ, по безлѣсной тундрѣ, уже осенью, когда я рассчитывалъ познаться разомъ съ нѣсколькими самоѣдскими семействами, занимающимися въ это время рыбными промыслами на рѣкахъ Индигѣ и Волонгѣ.

¹⁾ Извѣстiя Геологическаго Комитета. Т. IX и X.

Путешествіе къ Печорѣ должно было совершаться далѣе на оленяхъ, которые могли быть доставлены только къ срединѣ іюля. Оставшимся до ихъ прихода временемъ я воспользовался для ближайшаго ознакомленія съ окрестностями села Пешы и съ тундрой, разстилающейся къ западу отъ рѣки Пешы, по направленію къ рѣкамъ Снопѣ, Омѣ, Вижаку и Мезени.

Шренкъ говоритъ про эту тундру, что «она лѣтомъ одинаково непроходима какъ для кочевника, такъ и для путешественника», и что «эта полоса земли принадлежитъ, безспорно, къ числу самыхъ безотрадныхъ пустынь, подобныхъ которымъ едва ли много найдется въ мірѣ»¹⁾. Мѣстные жители указывали, какъ и Шренкъ, на удивительно однообразный характеръ тундры почти до самой Мезени, почему ознакомленіе съ тундрою хотя бы только между Пешей и Снопой избавляло меня отъ необходимости проходить это пространство осенью на оленяхъ. Тундра къ западу отъ Пешы посѣщается лѣтомъ мѣстными жителями и самоѣдами только въ случаѣ какой либо крайности, причемъ путь выбирается по морскому побережью, гдѣ почва легче освобождается отъ излишней влаги.

Исслѣдовать тундру между Пешей и Снопой меня побудила невозможность составить себѣ понятіе объ этой тундрѣ по Шренку, бывшему здѣсь въ концѣ сентября (1837 г.), когда характеръ тундры былъ уже въ значительной степени замаскированъ морозомъ, а такъ какъ въ моемъ распоряженіи оленей не было, то я долженъ былъ пройти до Снопы пѣшкомъ. До селенія на этой рѣкѣ считается 40 верстъ, но мнѣ пришлось сдѣлать, по крайней мѣрѣ, верстъ 60, такъ какъ безчисленное множество болотныхъ протоковъ и рѣчекъ разбиваютъ здѣсь торфяную тундру на довольно сухіе бугры и мокрыя болота, которые нужно было обходить. Путь мой лежалъ въ 15—30 верстахъ къ S отъ моря. Только благодаря, сравнительно, раннему времени года, когда мерзлота въ болотахъ еще не успѣла опуститься ниже одного аршина, мнѣ удалось добраться до Снопы, причемъ переходъ былъ особенно затруднителенъ еще и потому, что насъ тревожили міриады комаровъ, заставлявшія идти, почти не останавливаясь, полтора дня и двѣ ночи. Бугристая тундра, на которой я останавлиюсь еще ниже, дѣлается осенью мѣстами совершенно непроходимой.

¹⁾ Schrenk. Reise nach dem Nordosten etc., 1848, стр. 678 и 682.

Отъ селенія на Снопѣ ¹⁾, состоящаго всего изъ двухъ дворовъ и лежащаго уже внѣ предѣловъ лѣса, я спустился 6-го іюля на лодкѣ въ океанъ, прошелъ лодкой въ устьѣ Пешы, откуда и вернулся въ село Пешу.

16-го іюля прибыло къ условленному мѣсту на рѣкѣ, къ устью рѣки Перехожей, стадо оленей въ 250 головъ, съ которыми я и началъ, направляясь на ОНО, къ селенію Коткину на Сулѣ, изслѣдованіе сѣверныхъ предѣловъ лѣсной полосы.

Передвиженіе по тундрѣ происходитъ лѣтомъ и зимой на саняхъ, причемъ въ каждыя сани запрягается по тройкѣ оленей. Идетъ олень лѣтомъ со скоростью всего отъ трехъ до четырехъ верстъ въ часъ.

Въ жаркое время года, когда животныхъ беспокоятъ оводы, слѣпни и цѣлыя тучи комаровъ, отъ которыхъ не видать иногда и оленя, животное способно работать только ночью, тогда какъ днемъ оно не принимаетъ даже и пищи, а ищетъ спасенія въ дыму костровъ, «дымокуровъ», нарочно раскладываемыхъ съ этою цѣлью самоѣдами. Тройка оленей подымаетъ лѣтомъ всего пудовъ 8 клади, почему число воевъ, слѣдующихъ другъ за другомъ, всегда довольно значительно. Перевозятъ кладь арюшами, т. е. гужемъ, причемъ тройка заднихъ оленей привязывается къ санямъ передней тройки. Такимъ арюшомъ, состоящимъ изъ четырехъ, пяти или болѣе троекъ, управляетъ самоѣдъ на саняхъ, запряженныхъ пятеркой оленей, въ которой крайній лѣвый олень, передовой, ведущій остальныхъ, запрягается въ болѣе длинныя постромки и значительно, поэтому, выдается впередъ. Сидя въ саняхъ, самоѣдъ держитъ въ лѣвой рукѣ возжу, а въ другой длинный, сажени въ полторы, шесть, харей, которымъ подгоняетъ лѣннихъ. Передовой олень прекрасно подчиняется управленію одной только возжей, притягиваемой самоѣдомъ, при поворотахъ налѣво, и удаваемой о тѣло оленя, при поворотахъ направо.

Во время хода оленя слышится легкое потрескиваніе отъ ударяющихся другъ объ друга обоихъ заднихъ пальцевъ копыта. Это потрескиваніе и своеобразные отрывистые звуки, издаваемые идущими рядомъ матками и молодыми телятами и слегка напо-

¹⁾ Живущій здѣсь старикъ Тимофѣй Кокинъ, прекрасно помнящій Шренка, Крузенштерна, Кастрена и Иславина, извѣстенъ по всей тундрѣ какъ кузнецъ, выдѣлывающій, однако, желѣзные винтовки съ кремневыми замками самыми первобытными орудіями.

мелкающіе хрюканіе, производятъ на посторонняго совершенно непривычное впечатлѣніе.

Я проходилъ въ сутки всего отъ 18 до 25 верстъ; самый большой переходъ былъ въ 28 верстъ и то только потому, что намъ не удалось найти во-время подходящую стоянку, гдѣ бы былъ въ достаточномъ количествѣ подножный кормъ для оленя.

Путь отъ Пешы къ Коткину шёлъ все время по полосѣ переходной отъ лѣса къ тундрѣ, гдѣ безлѣсные участки постоянно чередовались съ лѣсными островками. 24-го іюля я посѣтилъ падунъ на рѣкѣ Сулѣ, впервые описанный Чернышевымъ, а 1-го августа прибылъ въ селеніе Коткино, жители котораго занимаются скотоводствомъ, рыбными промыслами и весьма прибыльною мѣнною торговлею съ самоѣдами. 5-го августа я спустился по Сулѣ въ торговый центръ на сѣверной Печорѣ, въ село Великовисочное или Виску, входящее уже въ составъ Пустозерской волости или, какъ говорятъ на Печорѣ, Пустозерска. Самый Пустозерскъ, бывшій еще въ прошломъ столѣтіи укрѣпленнымъ пунктомъ, защищавшимъ Печору отъ нападений зауральскихъ кочевниковъ, карачеевъ, теперь деревня въ 25 дворовъ, съ населеніемъ въ 135 душъ. Путь по Сулѣ и по Печорѣ пролегалъ большею частью среди луговъ.

Я долженъ здѣсь замѣтить, что по всѣмъ сѣвернымъ рѣкамъ, по Пешѣ, Сулѣ, Печорѣ, Индигѣ и другимъ, мѣста, заливаемые полыми водами рѣки, представляютъ роскошнѣйшіе луга, о какихъ трудно составить себѣ представленіе, не побывавъ на сѣверѣ. Луговые пространства кажутся точно засѣянными травами, среди которыхъ особенно выдѣляются злаки. По привычкѣ, усвоенной въ болѣе южныхъ широтахъ, не входитъ въ засѣянное поле, какъ-то не сразу рѣшаешься войти въ густую траву, совершенно забывая, что лишь ничтожная часть ея утилизируется человекомъ, а что остальное такъ и сгниваетъ на мѣстѣ.

Въ ожиданіи оленей, я пробылъ въ Пустозерской волости двѣ недѣли, знакомясь съ природою края и съ бытомъ мѣстныхъ жителей.

Только 19-го августа я могъ тронуться въ обратный путь къ западу. Отъ Печоры до Индиги я шёлъ по холмистому водораздѣлу рѣкъ, текущихъ, съ одной стороны, на югъ, въ Печору и Сулу, а съ другой, на сѣверъ, въ Ледовитый океанъ. Водораздѣлъ этотъ, какъ и вся окружающая тундра почти совершенно безлѣсны. Лишь въ южной части тундры, затѣмъ ближе къ Печорѣ

и Индигѣ попадаются жалкіе островки ельника, которые только съ нѣкоторой натяжкой можно назвать лѣсомъ¹⁾.

31-го августа я достигъ низовьевъ Индиги, гдѣ самоѣды занимались ловомъ рыбы, 1-го сентября поднялся по рѣкѣ до сѣверной границы лѣса, 2-го распрощался съ Индигой, 5-го былъ близъ мыса Бармина, 10-го на Волонгѣ, потерявъ дорогою третью часть оленей отъ нападенія волковъ, а 13-го прибылъ къ устью Пешы.

Я предполагалъ первоначально вернуться въ Мезень моремъ и рѣками Чижей и Чешей, образующими изъ Чешской губы въ Бѣлое море непрерывный, хотя мѣстами иногда и пересыхающій, водный путь. Продолжительное ожиданіе оленей на Печорѣ задержало, однако, и мое возвращеніе на Пешу до середины сентября, когда погода стала весьма мало надежною для путешествія по морю въ лодкѣ. Мнѣ ничего другого не оставалось, поэтому, какъ вернуться въ Мезень прежнимъ путемъ, т. е. черезъ Варшинскія озера.

Волокъ съ Пешы на Борматъ пришлось пройти пѣшкомъ, такъ какъ ожидать оленей не позволяло позднее время года, когда уже началъ выпадать снѣгъ и температура стояла по ночамъ ниже нуля.

20-го сентября мы прибыли на Борматъ, а 26-го были уже въ Мезени.

Что касается условій погоды лѣтомъ 1892 года, то изъ 105 дней, считая съ 8-го іюня по 26-е сентября²⁾, было:

- 19 дней ясныхъ или почти ясныхъ;
- 28 » пасмурныхъ, холодныхъ и сырыхъ;
- 49 » съ дождемъ;
- 9 » со снѣгомъ.

Первый снѣгъ выпалъ, въ небольшомъ, правда, количествѣ, 12-го сентября, когда я находился близъ устьевъ Пешы.

Въ самый жаркій день, 10-го іюля, въ 1 часть дня наблюдалась, близъ села Пешы, температура воздуха въ 31° Цельзія въ тѣни, но по ночамъ ртуть опускалась въ это же время до трехъ, четы-

¹⁾ Такіе же островки попадаются, по словамъ самоѣдовъ, на берегахъ Песчанки, притока Вельты, уже на склонѣ къ морю (см. карту).

²⁾ Старого стиля.

рехъ градусовъ. 14-го іюля наблюдался на почвѣ минимумъ въ $1,5^{\circ}$, 17-го въ $0,9^{\circ}$, 23-го въ $0,5^{\circ}$. Первый заморозокъ былъ 29-го іюля, когда я находился у Пульскихъ озеръ, къ S отъ Коткина, близъ сѣверной границы лѣсовъ. Минимумъ на почвѣ было тогда $-2,6^{\circ}$.

1 августа	былъ minimum	въ $-0,5^{\circ}$
28	» (тундрѣ)	» -2°
20	» » »	» -4°
30	» » »	» $-2,5^{\circ}$
11 сентября	» »	» $-0,4^{\circ}$
19	» на Борматѣ	» -6°
20	» » »	» $-0,2^{\circ}$
2 октября,	бл. гор. Пинеги	$-10,0^{\circ}$

Сѣверное сіяніе, называемое на Мезени и Печорѣ сполохами, или столбами, я наблюдалъ всего 3 раза, 1-го, 2-го и 10-го сентября.

Первые комары появились 10-го іюня, исчезать же, «потухать», по мѣстному выраженію, они стали въ концѣ іюля, послѣ первыхъ утренниковъ.

Лѣто 1892 г. считается среднимъ. Бываютъ, конечно, годы съ болѣе теплымъ и болѣе холоднымъ лѣтомъ. Такъ, исключительно холодное и мокрое лѣто 1891 года, по наблюденіямъ отца Іоанна Нопова въ Пустозерскѣ, производившаго ихъ въ 7 ч. утра и въ 11 ч. вечера, по термометру Реомюра, въ теченіе всего мая стояли морозы отъ 12° до 15° . Въ самые теплые дни іюня и іюля наблюдалось не болѣе 8° тепла. Ледъ сошелъ тогда на озерѣ только 29-го іюня, а скотъ кормили дома до 8-го іюля (по старому стилю).

Тундру, самую характерную особенность природы сѣвера, можно вполне приравнять степи, какъ то дѣлалъ и Миддендорфъ. Это настоящая полярная степь, со всѣми главнѣйшими отличительными признаками степи, равнинностью, при, сравнительно, возвышенномъ положеніи, отсутствіемъ древесной растительности, съ широкимъ горизонтомъ, изрѣдка прерываемымъ небольшими холмами-сопками или, близъ предѣловъ степи, лѣсными островами на болѣе возвышенныхъ пунктахъ или по берегамъ рѣкъ. Тундра вполне подходит и подъ опредѣленіе степи, данное проф. А. Н. Бекетовымъ, называющимъ степью безлѣсную равнину,

настолько высокую, что она не может быть заливаема весенними водами ¹⁾).

Вѣчно мерзлая тундра, со своею безпредѣльною далью, мѣстами даже поразительно напоминаетъ степь, особенно въ августовскія ночи, когда глазъ воспринимаетъ только общій рельефъ мѣстности. Воображеніе невольно переноситъ тогда мысль за 2000 верстъ къ югу, въ черноземную степь, заставляя дополнять картину степи привѣтливыми, тѣнистыми хуторами, высоко поднятымъ журавлемъ колодца, волнующимся моремъ золотистой пшеницы, вмѣсто чего, на самомъ дѣлѣ, видишь развѣ только дымный чумъ самоѣда, обставленный санями, видишь воткнутые въ землю длинные шесты-харен, которыми кочевникъ управляетъ оленями, видишь и оленей, пасущихся на сѣдомъ морѣ оленьяго мха.

Вмѣсто веселаго чириканья кузнечиковъ, слышится назойливое пѣнье несмѣтныхъ тучъ комаровъ, а вмѣсто ярко-голубого неба, встрѣчаешь свинцовыя тучи и мельчайшій, пылеобразный дождь...

Вполнѣ параллельны степямъ черноземнымъ, глинистымъ и песчанымъ, тундры торфяная, глинистая и песчаная. Подобно тому, какъ въ черноземной степи имѣется цѣлый рядъ переходовъ отъ тучнаго и мощнаго, богатаго гумусомъ, самарскаго чернозема къ бѣдному гумусомъ чернозему бессарабскому, и торфяная тундра имѣетъ нѣсколько типовъ, крайними представителями которыхъ являются, съ одной стороны, тундра моховая, тождественная съ мшарами, боровыми или моховыми болотами болѣе южныхъ широтъ, а съ другой, тундра торфяниковая, бугристая ²⁾).

Какъ показали изслѣдованія Чернышева, поверхностныя образованія Тиманской тундры сложены изъ песковъ съ подстилающими ихъ темными постпліоценовыми глинами или же изъ коренныхъ породъ различнаго возраста. Эти-то пески и образуютъ песчаную тундру кое-гдѣ по берегамъ рѣкъ сѣвера, рѣже въ междурѣчныхъ пространствахъ. Бѣльшимъ распространеніемъ пользуется тундра глинистая, особенно между Индигой и Печорой и

¹⁾ Ботаническія записки, т. I, стр. 5.

²⁾ Сходство между торфяной тундрой и черноземной степью, впрочемъ, только внѣшнее и зависитъ отъ тождества условій рельефа. По составу же и происхожденію торфа, съ одной стороны, и чернозема, съ другой, тундра и степь ничего общаго между собою не имѣютъ.

на востокъ отъ этой послѣдней рѣки. Многочисленные сопки по водораздѣлу Сулы, Печоры и моря сложены также обыкновенно изъ глины, хотя здѣсь и встрѣчаются сопки песчаныя.

На слегка возвышенныхъ мѣстахъ, особенно на сопкахъ, гдѣ снѣгъ сдувается зимними вѣтрами, сильно иссушающими почву, растительности или совсѣмъ нѣтъ, такъ что на поверхность выходятъ прямо глина или песокъ, или же узкія зеленыя полоски мха *Polytrichum strictum*, кустарничковъ *Empetrum nigrum* и *Arctostaphylos alpina* окаймляютъ округлыя, величиной съ тарелку, пятна обнаженной глины или песка. Эти пятна скудной растительности, появляющіяся, очевидно, по трещинамъ почвы, гдѣ лучше держатся снѣгъ и влага, не рѣшаются подыматься повыше въ воздухъ, а плотно прижимаются къ почвѣ, какъ бы ища здѣсь защиты отъ страшныхъ зимнихъ вѣтровъ.

На мѣстахъ, гдѣ снѣгъ держится лучше, песокъ, глина или кристаллическія породы покрыты тонкимъ растительнымъ дерномъ, болѣе или менѣе густыми зарослями низкорослыхъ ивъ (*Salix glauca*, *reticulata*, *herbacea* и др.), карликовой березой, кустарниками *Empetrum nigrum*, *Arctostaphylos alpina*, дерновинками различныхъ мховъ и лишаями. Общій фонъ такой тундры бѣлѣсоватый не только отъ лишайниковъ, но и отъ сѣдыхъ листьевъ ивы *Salix glauca*, стелющейся по почвѣ и подымающейся своими вѣтвями въ воздухъ на футъ, рѣдко болѣе. Въ логовинкахъ, гдѣ снѣгу накапливается еще больше, появляются ивы болѣе крупныхъ размѣровъ (*Salix myrsinites*, *lanata*, *hastata*), до полутора—двухъ аршинъ вышины, а весьма часто въ такихъ логовинкахъ-западинкахъ можно наблюдать и озера, окруженныя крутыми торфяными берегами.

Почвой или грунтомъ для торфяной тундры, образующей поверхность почти всей безлѣсной полосы, окаймляющей Чесскую губу и занимающей мѣстами довольно значительные участки и къ востоку отъ Тиманскаго кряжа, служить въ большинствѣ случаевъ песокъ, обстоятельство, которое, на первый взглядъ, можетъ показаться страннымъ, такъ какъ песокъ легко проницаемъ для воды и не можетъ, казалось бы, представлять условій для застоя воды и образованія торфяника. Но и въ болѣе южныхъ широтахъ пески легко цементируются органическими веществами, дѣлающими песокъ непроницаемымъ для воды, на сѣверѣ же цементирующимъ агентомъ можетъ служить еще низкая годовая температура, обуславливающая въ нѣкоторыхъ случаяхъ мерзлое

состояніе почвы въ теченіе круглаго года, а потому и непроницаемость ея для воды.

Наиболѣе интересный и самый распространенный типъ торфяной тундры, это тундра бугристая, которую можно сравнить развѣ только съ нашими кочкарными болотами, являющимися, однако, лишь очень небольшою моделью этого типа тундры.

Между Тиманскимъ хребтомъ и Мезенью, почти по всему Канину полуострову, также кое-гдѣ и къ востоку отъ Тимана и Индиги, тундра покрыта, какъ доска шашками, громадными торфяными буграми, самой разнообразной формы и въ различныхъ стадіяхъ развитія. Они бываютъ то округлыми, то вытянутыми въ длину, то перетянутыми въ серединѣ, то угловатыми или звѣздообразными. Бока или склоны этихъ бугровъ всегда очень крутые, иногда даже отвѣсные. Поверхность ихъ, въ общемъ, горизонтальная, но кочковатая и неровная. Размѣры весьма различны, но чаще встрѣчаются бугры съ діаметромъ отъ трехъ до десяти сажень, при вышинѣ около двухъ сажень. Консистенція ихъ весьма плотная, благодаря близости мерзлаго слоя, который даже въ концѣ августа не лежитъ дальше восьми — восьми съ половиною вершковъ. Съ поверхности, бугры грязно-бѣлаго цвѣта или сѣдого, который имъ придаютъ лишайники (*Cladonia*, *Cetraria*, *Stereocaulon*, *Cornicularia*, *Sphaerophoron*), растущіе здѣсь, однако, всегда въ обществѣ съ морошкой (*Rubus chamaemorus*), карликовой березой (*B. nana*) голубикой (*Vaccinium uliginosum*), *Empetrum nigrum*, *Andromeda polifolia*, съ *Polytrichum*, *Sphagnum fuscum* и другими мхами. Изъ той же растительности бугры сложены до самаго основанія или въ нихъ слоями получаютъ преобладаніе одни какія нибудь растенія, или же на днѣ появляются неожиданно совершенно новыя растенія, о которыхъ, однако, ниже.

Бугры отдѣлены другъ отъ друга сильно вытянутыми въ длину, чрезвычайно извилистыми, иногда озеровидно расширяющимися впадинами, вѣроятно, всегда сообщающимися съ рѣкою. Эти впадины, по-самоѣдски «ерсеи», заняты мокрыми моховыми болотами также въ различныхъ стадіяхъ развитія и оторфованія. Мерзлота лежитъ здѣсь гораздо глубже, чѣмъ на буграхъ. Въ началѣ іюля, когда я проходилъ съ Пешы на Снопу, мерзлый слой нигдѣ не лежалъ ближе десяти вершковъ, мѣстами и дальше, а черезъ 2 мѣсяца, оленямъ приходилось перевозить сани черезъ ерсеи зачастую вplashь.

Поверхность ерсеи или лишена какой бы то ни было раститель-

ности и образована тогда водою или же вода затягивается дерновинами *Eriophorum angustifolium* и *Carex limosa*, къ которымъ, по мѣрѣ уплотнѣнія дерновины, присоединяется *Eriophorum vaginatum*. Это послѣднее растеніе, растущее, подобно кустистымъ злакамъ, пучками, образуетъ первый зачатокъ будущей кочки, а вмѣстѣ съ тѣмъ и зачатокъ бугра. Среди стебельковъ этой первой кочки поселяются затѣмъ мхи, морошка и др. растенія. Осенью на молодую кочку начинаетъ дѣйствовать морозъ, такъ какъ вода, окружающая кочку, замерзаетъ раньше чѣмъ внутри ея, гдѣ вода заключена въ тонкія трубки, задерживающія замерзаніе. Ледъ производитъ, по этому, давленіе на кочку, еще болѣе приподымаетъ ¹⁾ ее, сжимаетъ и уплотняетъ. Ежегодно отмирающія части растеній, поселяющихся на кочкѣ, служатъ почвой для новаго поколѣнія тѣхъ же или другихъ растеній, въ концѣ концовъ также отмирающихъ и переходящихъ въ торфъ. Такимъ путемъ кочка ежегодно разрастается какъ въ вертикальномъ, такъ и въ горизонтальномъ направленіи, захватывая постепенно и сосѣднія кочки, все болѣе увеличиваясь въ объемѣ и, мало-по-малу, превращаясь въ бугоръ, который, благодаря появленію въ немъ мерзлоты, пріобрѣтаетъ крѣпость и устойчивость твердой породы. Въ постоянномъ наростаніи и разрастаніи кочекъ весьма существенную роль играютъ морошка (*Rubus Chamaemorus*) и воронья ягода (*Empetrum nigrum*), густыя сплетенія корней и корневищъ которыхъ даютъ весьма удобную почву для множества другихъ растеній, особенно для различныхъ мховъ.

Что замерзающая вода въ состояніи приподнять кочку, показываютъ многія наши озера, задернованные берега которыхъ бывають часто приподняты, окаймляя воду весьма явственнымъ валомъ. Точно также и на поверхности нашихъ петербургскихъ торфяниковъ наблюдаются часто валы, вышиною и шириною около фута и длиною нерѣдко въ нѣсколько десятковъ сажень, идущіе то параллельно другъ другу, то пересѣкающіеся и образующіе какъ бы замкнутые бассейны. Эти валы могли, полагаю, произойти только благодаря дѣйствию замерзающей воды.

Бугоръ не можетъ, однако, разрастаться въ ширину безпредѣльно, такъ какъ этому препятствуетъ размывающая дѣятельность воды. Результаты такой дѣятельности особенно рѣзко бро-

¹⁾ Образованіе кочки, какъ увидимъ ниже, можетъ идти и безъ вліянія мороза.

саются въ глаза на безчисленномъ множествѣ озерковъ какъ въ западной, такъ и особенно восточной части Тиманской тундры, между Индигой и Печорой. Черные, какъ уголь, торфяные обрывистые берега, сверху одѣтые сѣрымъ, а подчасъ даже снѣжно-бѣлымъ лишайниковымъ покровомъ, носятъ на себѣ явные слѣды размыва, представляя нерѣдко прекрасные разрѣзы для изученія строенія бугровъ¹⁾.

Въ восточной части Тиманской земли преобладаетъ тундра глинистая, песчаная или торфяно-кочкарная, бугры же появляются только тамъ, гдѣ имѣются условія для накопленія значительныхъ количествъ воды. Гдѣ воды держится меньше, образуется тундра торфяно-кочкарная, отличающаяся отъ бугристой непрерывностью торфяного покрова, малою мощностью его и слегка кочковатою поверхностью.

Выходы кристаллическихъ породъ одѣты на мѣстахъ крутыхъ только лишайниками, не образующими сплошного покрова, а на мѣстахъ болѣе ровныхъ дерномъ изъ обыкновенныхъ для тундры торфо-образователей, съ *Empetrum nigrum* во главѣ, густая съѣтъ корней и вѣтвей котораго связываетъ остальные въ плотный дерновый слой. Этотъ слой, еще не достигшій толщины болѣе одного—двухъ дюймовъ, удается иногда собрать съ породы на протяженіи нѣсколькихъ футовъ, не разрывая его.

Тундра, которую я до сихъ поръ описываю, въ общемъ, безлѣсна. Но, какъ черноземная степь безлѣсна не абсолютно, а чередуется мѣстами съ лѣсомъ, такъ и въ полосѣ тундры попадаются, при извѣстныхъ условіяхъ, лѣсные островки или отдѣльные деревца, хотя, какъ и въ степи юга, можно иногда проѣхать цѣлые десятки верстъ, не встрѣчая и признаковъ лѣса.

Чѣмъ ближе мы будемъ подходить къ лѣсной границѣ, тѣмъ все чаще и чаще будутъ попадаться островки лѣса; пока, наконецъ, не получить преобладанія лѣса, и сама тундра не разобьется на небольшіе клочки, разбросанные среди лѣса,

Самая главная особенность этой переходной полосы, идущей на югъ до водораздѣла Пезы, Цыльмы и моря, заключается въ характерѣ ея рельефа и почвы. Типичная тундра, какъ мы видѣли, отличается сравнительною равнинностью, тогда какъ въ

¹⁾ Озерки эти группируются весьма часто въ цѣлые ряды, причемъ одно стоитъ нерѣдко значительно выше другого, не смотря на узкую, иногда всего въ нѣсколько футовъ, перемычку между ними, еще не размытую водою.

полосѣ переходной, мѣста возвышенныя постоянно чередуются съ мѣстами пониженными, причемъ выпуклости рельефа, сложенные почти всегда изъ песка, поросли еловымъ лѣсомъ, а впадины, имѣющія глинистый грунтъ, всегда безлѣсны и заняты лишь густыми зарослями различныхъ ивъ (*Salix myrtilloides, nigricans, hastata, Lapponum, Caprea*), карликовой березы (*Betula nana*), къ которымъ въ мѣстахъ повыше присоединяется можжевельникъ (*Juniperus nana*). Почва между кустарниками одѣта лишаями (*Cladonia, Stereocaulon, Peltigera*), мхами (*Hypnum*, въ мѣстахъ мокрыхъ—*Jungermannia, Mnium* и др.) или луговыми и болотными растеніями (*Polygonum Bistorta, Menyanthes trifoliata, Saxifraga Hirculus, Carices* и др.). Берега протекающихъ здѣсь рѣчекъ состоятъ почти всегда изъ кочкарныхъ болотъ, густо поросшихъ ивами (*S. Caprea, hastata* и др.), чрезвычайно затрудняющими и безъ того не особенно легкое передвиженіе по кочкарникамъ, такъ какъ сани, то въѣзжая на аршинныя кочки, то проваливаясь въ промежутки между ними, постоянно грозятъ опрокинуть сѣдока.

Береговая кочка эти, сильно отличающіяся отъ кочекъ по ерсеямъ бугристой тундры, состоятъ всегда изъ трехъ рѣзко обособленныхъ частей: изъ тѣла, изъ окружающихъ тѣло отвисшихъ мертвыхъ листьевъ злаковъ, предшествовавшихъ растительныхъ періодовъ, и изъ обращенныхъ вверхъ, живущихъ листьевъ и стеблей. Самое тѣло кочекъ, достигающихъ иногда почти аршина вышины и около фута въ діаметрѣ, образовано густо перепутанными корневищами и корнями злаковъ, преимущественно *Calamagrostis silvatica* и *neglecta*, отличающихся, подобно многимъ другимъ злакамъ (напр., степнымъ *Festuca ovina, Stipa pennata*), кустистымъ ростомъ. Весною, когда вода въ рѣчкахъ подымается, кустистые злаки эти, подымаясь надъ поверхностью воды, сильно развиваютъ свои подводные органы—стебли и корни, густо переплетающіеся и образующіе почву, изъ которой вырастаютъ надводные листья и стебли. Въ результатъ періодическаго разростанія стебля и корней получается кочка, тѣмъ болѣе высокая, чѣмъ ближе она стоитъ къ рѣкѣ, постепенно уменьшаясь по мѣрѣ удаленія отъ рѣки, т. е. по мѣрѣ повышенія мѣстности и пониженія уровня весенняго поднятія воды.

Кромѣ кочкарниковъ по берегамъ рѣчекъ, другою особенностью безлѣсныхъ участковъ переходной полосы надо считать весьма развитыя здѣсь, по истокамъ рѣчекъ, мокрыя болота на

довольно крутыхъ склонахъ, по которымъ сани спускаются почти безъ всякаго усилія со стороны оленя.

Подходя изъ царства безлѣсной тундры къ лѣсу, мы будемъ поражены весьма своеобразнымъ и характернымъ для сѣвера явленіемъ, притомъ не только для сѣвера Европейской Россіи, но и вообще для всѣхъ около-полярныхъ странъ Старого и Нового Свѣта.

Дѣло въ томъ, что крайнія ели опушекъ состоятъ всегда изъ отмершихъ экземпляровъ, сѣрыхъ, лишенныхъ коры и уже сильно вывѣтрившихся. Слѣдующія за этими крайними деревьями также не имѣютъ еще нормальнаго вида. Верхушки, а часто и весь почти стволъ, разбитый обыкновенно на нѣсколько отдѣльныхъ стволовъ, у нихъ сухія и лишены вѣтвей, сидящихъ только у самаго основанія ствола, гдѣ онѣ сплетены въ чрезвычайно широкую и густую зеленую массу, плотно прижатую къ почвѣ. Деревья, стоящія внутри лѣса, уже не обнаруживаютъ столь рѣзкихъ признаковъ угнетеннаго роста, а молодые экземпляры, пользующіеся защитой старыхъ, уже ничѣмъ существеннымъ не отличаются отъ вполне нормально развитыхъ деревьевъ.

Явленіе гибели лѣса по опушкамъ обращало на себя вниманіе всѣхъ изслѣдователей сѣвера. Гирнъ и Ричардсонъ въ Америкѣ, а у насъ Бэръ, Шренкъ и Миддендорфъ первые указали на него и старались дать ему то или иное объясненіе. Причину отмиранія крайнихъ деревьевъ лѣса Шренкъ ¹⁾ видитъ въ дѣйствіи жестокихъ морозовъ, понижающихъ въ нѣкоторые годы, въ союзѣ съ сѣверными вѣтрами, температуру воздуха до такой степени, что ее не въ состояніи вынести даже деревья крайняго сѣвера, повидимому, привычные къ холоду. Миддендорфъ ²⁾ придаетъ гораздо большее значеніе не зимнимъ холодамъ, а весеннимъ, побивающимъ дерево какъ разъ въ періодъ развитія молодыхъ почекъ. Бэръ ³⁾ еще въ 1833 г. высказалъ мнѣніе, что отступаніе сѣверной границы лѣсовъ обуславливается подавленіемъ лѣса мхами и лишаями. О. П. Кёппенъ ⁴⁾ допускаетъ комбинацію неблагоприятныхъ для древесной растительности причинъ, указанныхъ Шренкомъ и Миддендорфомъ. Ричардсонъ ⁵⁾ для Америки, а

¹⁾ I. c., Bd. II. Стр. 467—469.

²⁾ Middendorf. Sibirische Reise, Bd. IV, Theil I, Seite 611.

³⁾ Bull. d. l'Acad. Imper. de St.-Petersb. 1838. P. 135.

⁴⁾ Географическое распространеніе хвойныхъ. 1885. (Стр. 325—333.

⁵⁾ Middendorf. ibidem, p. 611.

Шмидтъ ¹⁾ для Азіи приписывали данное явленіе ухудшенію климатическихъ условій, наконецъ, по мнѣнію Кильмана ²⁾, недавно изслѣдовавшаго сѣверную границу лѣсовъ въ Кольскомъ полуостровѣ, главнымъ факторомъ, угнетающимъ на сѣверѣ развитіе дерева, является постоянное, въ теченіе долгихъ зимнихъ мѣсяцевъ, высыханіе молодыхъ побѣговъ и невозможность возобновленія въ нихъ запаса воды зимою, когда корни дерева и его вѣтви скованы морозомъ. Чтобы показать возможность высыханія почекъ зимою, Кильманъ приводитъ слова Миддендорфа, гдѣ онъ описываетъ опытъ съ замшевой перчаткой, намоченной въ водѣ, положенной затѣмъ, въ мерзломъ видѣ, на снѣгъ, и уже черезъ часъ совершенно высохшей, такъ что она и на огнѣ не теряла болѣе воды.

Прежде чѣмъ высказаться самому о причинахъ отступанія сѣверной границы лѣсовъ, я долженъ замѣтить, что лѣса приурочены близъ сѣверныхъ предѣловъ своего распространенія или къ высокимъ и сухимъ буграмъ переходной полосы, о которой я уже говорилъ, или къ берегамъ рѣкъ, по которымъ они заходятъ въ тундру узкими языками, обыкновенно въ нѣсколько десятковъ верстъ длины, достигающими мѣстами даже морскихъ береговъ. Такіе прирѣчные лѣса имѣются, напр., по Неси, Вижасу, Омѣ, Снопѣ и Пешѣ, гдѣ они находятся въ связи съ сплошными лѣсами, тогда какъ по рѣкамъ Безужной, Волонгѣ, Великой и Шубной растутъ лѣски островами, притомъ, какъ и по другимъ рѣкамъ, не только на склонахъ, но и наверху, на мѣстахъ открытых.

Чтобы дать болѣе полную картину сѣвернаго лѣса, я опишу послѣдній передъ городомъ Мезенью перегонъ почтового тракта, гдѣ на разстояніи всего 22-хъ верстъ можно прослѣдить всѣ переходы отъ хорошаго лѣса къ совершенно безлѣсной тундрѣ. Ближайшая къ Мезени станція Заозерье окружена хорошимъ сосновымъ лѣсомъ, мало отличающимся отъ сосновыхъ лѣсовъ подъ Петербургомъ. Далѣе къ соснѣ подмѣшивается мелкая, но стройная береза съ сибирской елью, среди которой отдѣльными экземплярами попадаетъ лиственница. Съ исчезновеніемъ сухой песчаной почвы, уступающей мѣсто песку сырому, покрытому болотной растительностью, сосна исчезаетъ, смѣняясь елью, березой, осиною, рябиной, ольхой и черемхой. Но скорѣе начинается рѣдѣть и ель. По мѣрѣ движенія на сѣверъ, она попадаетъ все рѣже и рѣже,

¹⁾ Bull. de l'Acad. des sc. de St.-Petersb. T. XIII, стр. 111.

²⁾ O. Kihlmann. Pflanzenbiologische Studien aus Russ. Lappland. 1891. Стр. 79.

причемъ отдѣльные экземпляры ея выдаются надъ общимъ фономъ низкорослой березы густыми зелеными пятнами. Верстахъ въ пяти отъ Мезени ель также исчезаетъ, а остается одна береза. Но она здѣсь уже не даетъ высокоствольнаго лѣса. Это не лѣсъ, а скорѣе кустарникъ, аршина въ $2\frac{1}{2}$ вышины, поверхъ котораго можно смотрѣть изъ тарантаса. Стволъ березы, вышиною въ какойнибудь футъ, распадается здѣсь на множество сучковатыхъ, завернутыхъ часто въ спираль, вѣтвей, по своей формѣ напоминающихъ корявые стволы сосны, столь характерной для петербургскихъ моховыхъ болотъ. На разстояніи одной версты отъ Мезени, исчезаетъ и это жалкое подобіе лѣса и самый городъ окруженъ безлѣсной тундрой.

Кустарная форма сѣверной березы, отчасти и ели, обуславливается, вѣроятно, смертью верхушечной почки, подъ вліяніемъ весеннихъ морозовъ или холодныхъ и сухихъ зимнихъ вѣтровъ. Смерть одной почки вызываетъ развитіе другой, боковой, которая, въ свою очередь, можетъ погибнуть, пока, наконецъ, не уцѣлѣтъ нѣсколько боковыхъ, которыя и разовьются. Отмираніе верхушечныхъ почекъ производитъ здѣсь то же, что, по удачному сравненію Миддендорфа, производитъ подрѣзка деревьевъ нашими садовниками, желающими получить густой и широкій шатеръ.

Прекрасно выраженную переходную полосу я посѣтилъ между Пешей и Снопой по окраинамъ, а между Пешей и Печорой въ болѣе центральныхъ частяхъ. Спускаясь къ востоку съ Хайминскаго камня, идущаго параллельно Пешѣ и покрытаго, вообще, хорошимъ еловымъ лѣсомъ, я рассчитывалъ встрѣтить безлѣсную тундру, которая, какъ говорили мои спутники, лѣсовые самоѣды, должна была меня сопровождать до самой Сулы. Правда, лѣсъ замѣтно порѣдѣлъ, появились участки безлѣсные, но всюду кругомъ виднѣлся лѣсъ, причемъ отдѣльные лѣсные острова сливались другъ съ другомъ въ перспективѣ, производя впечатлѣніе сплошного лѣса.

Но стоило только пройти участокъ, не занятый лѣсомъ, чтобы понять, что находишься уже близъ крайнихъ предѣловъ лѣсной полосы. На это указывала незначительность размѣровъ разбросанныхъ по тундрѣ лѣсковъ и ихъ крайне плачевный видъ. Размѣры этихъ лѣсковъ, состоящихъ изъ сибирской ели, съ примѣсью березы, осины, рябины и черемхи, крайне разнообразны, въ зависимости отъ величины занятыхъ ими холмовъ. Иногда въ лѣскѣ можно было насчитать всего 2—3 деревца, въ другихъ

случаяхъ поперечникъ достигалъ нѣсколькихъ десятковъ и даже сотенъ сажень. За исключеніемъ болѣе молодыхъ экземпляровъ, защищенныхъ старыми товарищами, въ этихъ лѣсахъ трудно было найти нормально развитое дерево. Громадное большинство ихъ обнаруживало всѣ признаки угнетеннаго рода, особенно по опушкамъ. Преобладающею породою лѣса въ Тиманской землѣ является ель. Сосна образуетъ лѣса еще на сухой песчаной почвѣ по рѣкѣ Пешѣ, восточнѣе же этой рѣки я видѣлъ одинъ жалкій экземпляръ сосны только близъ Пустозерска. На всемъ же пути отъ Пешы къ Сулѣ лѣса только словые и даже боры на сухой, песчаной, одѣтой лишайниками, почвѣ, образованы елью.

Дальше ели заходитъ на сѣверъ береза, отдѣльные экземпляры которой я видѣлъ еще у мыса Бармина. Крайніе лѣса на Печорѣ образованы лиственницей или елью, изъ которыхъ лиственница подходитъ къ сѣверной границѣ лѣсовъ и въ Сибири.

Лѣса, какъ мы видѣли, приурочены въ тундрахъ на *W* отъ Индиги къ возвышеннымъ пунктамъ и къ высокимъ берегамъ рѣкъ. Лѣсъ здѣсь выбираетъ, значитъ, мѣста, совершенно открытыя, менѣе всего защищенные отъ губительнаго дѣйствія зимнихъ вѣтровъ, причемъ всѣ опушки лѣса обнаруживаютъ одинаково угнетенный ростъ, независимо отъ того, въ какую сторону онѣ обращены, на сѣверъ ли, на востокъ, югъ или западъ. Еслибы причина гибели опушекъ заключалась въ сѣверныхъ вѣтрахъ, то южныя опушки не должны были бы страдать отъ вѣтра, особенно въ переходной полосѣ, гдѣ дѣйствіе вѣтровъ должно ослабляться обиліемъ лѣсныхъ островковъ.

Нисколько не отрицая правильности объясненій, предложенныхъ Шренкомъ, Миддендорфомъ и Кильманомъ, я думаю, что указываемыя ими причины гибели опушекъ не могутъ имѣть общаго значенія, что онѣ не примѣнимы къ изслѣдованнымъ мною опушкамъ лѣсовъ, примыкающимъ къ торфяной тундрѣ.

Причиной, убивающей лѣсъ въ Тиманской землѣ, какъ я стараюсь доказать, служить заболочиваніе лѣсныхъ опушекъ, въ связи съ образованіемъ въ заболоченной почвѣ мерзлоты, не исчезающей даже къ концу лѣта.

Уже Миддендорфъ¹⁾ замѣтилъ, что появленіе мерзлоты обусловливается, кромѣ климата, тремя главными факторами: тепло-

¹⁾ 1. с., р. 427.

проводностью почвы, теплопроводностью почвенного покрова и присутствием того или иного количества воды.

Насколько велико значение этихъ факторовъ, показываетъ весьма обыкновенное на сѣверѣ непосредственное соприкасаніе участковъ, съ мерзлотою уже на глубинѣ восьми вершковъ, и участковъ съ совершенно талою почвой. Тамъ, гдѣ поверхность образована торфяниками, мерзлота даже къ концу лѣта не опускается ниже восьми съ половиною вершковъ, тогда какъ рядомъ, на песчаныхъ почвахъ, занятыхъ лѣсомъ, мерзлоты мною нигдѣ не наблюдалось. На ерсеяхъ, участкахъ жидкихъ моховыхъ болотъ, мерзлота къ концу лѣта, повидимому, исчезаетъ или опускается на большую глубину, въ началѣ же іюля она держалась, по крайней мѣрѣ между Пешей и Снопой, на глубинѣ 10—15 вершковъ. Только благодаря этому, мнѣ и удалось пѣшкомъ пройти въ іюлѣ по бугристо-ерсейной тундрѣ, тогда какъ уже въ сентябрѣ олени часто совсѣмъ погружались въ болото. Оттаиваніе ерсей объясняется не только болѣею теплопроводностью воды, сравнительно съ торфомъ, но и лучшимъ сохраненіемъ здѣсь снѣга, съ поверхности бугровъ обыкновенно сдуваемого зимними вѣтрами. Какое громадное значеніе имѣетъ въ этомъ отношеніи снѣжный покровъ, показываетъ существованіе зимою даже въ области тундры участковъ, такъ называемыхъ, «пропаринъ»; гдѣ вода покрывается настолько тонкимъ слоемъ льда, что онъ не выдерживаетъ тяжести лошади, почему она въ такихъ мѣстахъ и проваливается.

Легче торфа оттаиваетъ глина, но она уступаетъ въ этомъ отношеніи песку.

Многочисленные измѣренія, производившіяся мною, какъ въ переходной полосѣ, такъ и въ открытой тундрѣ, показали, что глинистая тундра оттаиваетъ къ концу августа до глубины 26—29 вершковъ, а песчаная до глубины 36 и болѣе вершковъ, причемъ, какъ и слѣдовало ожидать, мощность талого слоя тѣмъ значительнѣе, чѣмъ ближе къ склону будемъ наблюдать мерзлоту. Такъ, 25-го августа опредѣленіе глубины мерзлоты въ открытой тундрѣ у сѣвернаго песчанаго берега верховьевъ Уярской виски, притока Вельти, показало, что близъ самаго склона мощность талого слоя была 42 вершка, а на 27 вершковъ дальше отъ склона уже только 36 вершковъ. На противоположномъ склонѣ, сложенномъ изъ торфа, мерзлота найдена на глубинѣ 10,5 вершка. Близъ склоновъ мерзлота иногда даже совершенно исчезаетъ.

Попытка опредѣлить мощность мерзлаго слоя мнѣ не удалась,

такъ какъ выкопанная съ этою цѣлью яма близъ лѣваго берега Печоры, у выселка Каменнаго, доведенная до глубины 53 вершковъ, была залита дождемъ.

Въ переходной полосѣ, гдѣ лѣсные островки приурочены, сколько мнѣ удалось замѣтить, только къ песчанымъ буграмъ, мерзлоты я ни разу не наблюдалъ, хотя рядомъ съ островками, на почвѣ глинистой, мерзлота находилась въ концѣ іюля уже на глубинѣ 14 вершковъ. Отсутствие мерзлоты въ лѣскахъ объясняется, между прочимъ, болѣе обильнымъ снѣжнымъ покровомъ, не позволяющимъ почвѣ промерзнуть на слишкомъ большую глубину, такъ что она лѣтомъ скоро оттаиваетъ.

Я не нашелъ мерзлоты и въ ничтожномъ, окруженномъ открытою тундрою, березовомъ лѣскѣ по рѣкѣ Шубной, гдѣ яма была (6-го сентября) вырыта въ глинѣ до глубины 53 вершковъ.

Всѣ эти наблюденія заставляютъ придти къ выводу, что въ Тиманской тундрѣ южная граница мерзлоты совпадаетъ съ сѣверной границей лѣсовъ, причемъ островкамъ тундры въ лѣсной полосѣ соответствуютъ островки мерзлой почвы и, наоборотъ, островкамъ лѣса въ тундрѣ—островки почвы талой.

Островки торфяной тундры вдаются въ лѣсную полосу, встрѣчаясь не только подъ Петербургомъ и Москвою, но даже подъ Тамбовомъ и на Волынѣ. Характерно, что въ подмосковныхъ осушенныхъ торфяникахъ мерзлота не исчезаетъ даже въ серединѣ іюня¹⁾. При выработкѣ торфа на топливо, мерзлый торфъ, достигающій мощности до фута, въ дѣло не идетъ, а выбрасывается, такъ какъ могъ бы попортить торфяную машину. По сообщенію г. Соловьева, мерзлота наблюдается въ началѣ лѣта въ осушенныхъ торфяникахъ даже еще въ Тамбовской губерніи. Для Петербургской же губерніи есть указанія, что торфъ остается мерзлымъ круглый годъ²⁾.

Теперь намъ станетъ понятнымъ, почему лѣсъ приуроченъ въ тундрѣ къ высокимъ песчанымъ мѣстамъ и къ берегамъ рѣкъ и балокъ. Онъ, очевидно, выбираетъ здѣсь условія, благоприятствующія пониженію уровня грунтовой воды и мерзлаго слоя или препятствующія образованію такого слоя. Шренкъ и Норденшѣльдъ³⁾ полагали, что рѣки умѣряютъ дѣйствіе климата, почему на

¹⁾ Въ неосушенныхъ торфяникахъ мерзлота исчезаетъ раньше, такъ какъ вода, какъ уже замѣчено выше, лучше проводитъ теплоту.

²⁾ Middendorf. Sibirische Reise, Bd. IV. Th. I. P. 429.

³⁾ Nordenskiöld. Vegafahrt. 1886. Стр. 61.

нихъ лѣсъ и вдается дальше въ тундру. Я думаю, что дѣло объясняется гораздо проще. Рѣка служитъ только осушительной канавой, способствующей удаленію излишней воды и, на что еще въ 1874 г. указывалъ проф. Бекетовъ¹⁾, пониженію мерзлаго слоя въ почвѣ.

Посмотримъ же теперь, что дѣлается на сѣверѣ съ лѣсными опушками.

По всѣмъ окраинамъ лѣса, примыкающимъ къ торфяной тундрѣ можно, иногда на пространствѣ какихъ нибудь двухъ-трехъ сажень, прослѣдить всѣ переходы отъ сухого соснового или елового бора къ мокрому торфянику. Еще на сухихъ мѣстахъ, прямо на пескѣ, появляются обыкновенно *Aira flexuosa* и *Carex canescens*—растенія съ густымъ пучкомъ щетинистыхъ листьевъ, прекрасно собирающихъ атмосферную влагу и дающихъ почву для настоящихъ торфо-образователей, особенно для мха *Polytrichum strictum*. Этотъ мохъ, растущій по опушкамъ лѣса въ громадныхъ количествахъ, покрываетъ почву уже необычайно плотными дерновинками, дающими сразу слой торфа въ 1—2 дюйма толщины. Ко мху вскорѣ присоединяются другія растенія, морошка, клюква, гонобобель и мохъ *Sphagnum*. Образовавшійся такимъ путемъ, торфяной слой способствуетъ увлажненію песчаной почвы и, какъ плохой проводникъ тепла, не даетъ почвѣ оттаивать на достаточную, для развитія лѣса, глубину, который долженъ, поэтому, погибнуть. Если близъ опушки лѣса протекаетъ ручеекъ, какъ это часто бываетъ въ переходной полосѣ, или если вообще имѣются условія для образованія кочекъ, затрудняющихъ теченіе воды въ рѣкѣ, которая, поэтому, разливается на большее пространство, заболачивая сосѣднія опушки, то гибель ихъ наступаетъ, конечно, еще быстрѣе, чѣмъ при медленномъ, шагъ за шагомъ, надвиганіи тундры на лѣсъ.

Заболачиваніе лѣса можно въ той или иной формѣ наблюдать и въ центральной Россіи, гдѣ остатки деревъ весьма часто попадаютъ въ торфяникахъ, но въ болѣе южныхъ широтахъ мерзлота лѣтомъ исчезаетъ, такъ что лѣсъ самъ иногда имѣетъ возможность занять площадь торфяника, тогда какъ на сѣверѣ близость мерзлоты въ торфѣ разъ навсегда обезпечиваетъ торфяной тундрѣ господство надъ лѣсомъ.

¹⁾ Гризбахъ. Растительность земного шара. Переводъ съ примѣчаніями А. Н. Бекетова. 1874. Т. I, стр. 550.

Если, такимъ образомъ, заболачиваніе является столь могущественнымъ, роковымъ для древесной растительности, факторомъ, дѣйствующимъ, конечно, уже не одно столѣтіе, то результаты этого дѣйствія должны-же гдѣ нибудь обнаруживаться, въ видѣ погребенныхъ подъ торфянымъ покровомъ тундры, лѣсовъ?

На разстояніи нѣсколькихъ сотъ саженей отъ опушекъ лѣсовъ, сопровождающихъ Волонгу, Безужную, Пепу и Снопу мнѣ приходилось наблюдать на торфяной тундрѣ торчащіе изъ торфа, мертвые, вывѣтрившіеся экземпляры ели. Въ естественныхъ обнаженіяхъ по берегамъ рѣкъ мнѣ также часто удавалось находить куски березы и ели на самомъ днѣ торфяниковъ, достигающихъ двухъ и болѣе аршинъ мощности. Тѣже остатки древесной растительности я находилъ нѣсколько разъ на днѣ размытыхъ водою торфяныхъ бугровъ. (Противъ села Оксина — на лѣвомъ, противъ Великовисочнаго — на правомъ берегу Печоры, затѣмъ къ югу отъ Коткина на Сулѣ).

Наконецъ, прямыя раскопки уже окончательно убѣдили меня въ существованіи поступательнаго движенія торфяной тундры, постепенно, но неумолимо отвоевывающей у лѣса все болышую и болышую площадь въ свое царство вѣчной мерзлоты.

Одинъ бугоръ, вышиною въ 4 аршина, былъ мною разрытъ въ тундрѣ къ востоку отъ села Пепи, другой, вышиною около полутора аршина, въ переходной полосѣ, къ югу отъ рѣки Сулы. Въ обоихъ случаяхъ найдены на днѣ бугровъ, въ мерзломъ слоѣ торфа, который приходилось разрубать топоромъ, прекрасно сохранившіеся остатки ели и березы.

Отступаніе сѣверной границы лѣсовъ и погребеніе деревъ подъ слоемъ торфа не представляетъ явленія, свойственнаго только Архангельской губерніи. Пни березы въ торфѣ были найдены на Лофоденскихъ островахъ и въ Исландіи, гдѣ теперь березы почти совсѣмъ нѣтъ, ель найдена въ торфяникахъ Швеціи, а лиственница и береза — въ Сибири.

Видѣть въ климатѣ причину отступленія сѣверной границы лѣсовъ къ югу, какъ мы видѣли, нѣтъ основаній. Это явленіе роковое, неизбѣжное, обусловливаемое появленіемъ на лѣсной почвѣ торфа, плохого проводника тепла, а вмѣстѣ съ торфомъ, и мерзлоты, которая и убиваетъ дерево.

Указавъ, такимъ образомъ, на нѣкоторыя характерныя черты природы сѣвера, я могу остановиться вкратцѣ на его обитателяхъ,

въ послѣднее время обратившихъ на себя серьезное вниманіе правительства.

Весь сѣверъ Архангельской губерніи отъ Мезени до Урала дѣлится на три тундры, на тундру Канинскую, Тиманскую и Большеземельскую, въ составъ которыхъ входятъ не только безлѣсные участки, но и лѣса. Осѣдлыхъ жителей въ этихъ тундрахъ немного, притомъ только по берегамъ рѣкъ, по Пыгѣ, Семжѣ, Неси, Вижасу, Омѣ, Снопѣ, Пепѣ, Индигѣ, Сулѣ и Печорѣ. Всего здѣсь живетъ около 2800 душъ обоого пола, изъ которыхъ 2200 приходится на долю Пустозерской волости. Постояннымъ занятіемъ этихъ жителей служатъ, кромѣ скотоводства, рыбные и звѣриныя промыслы. Рѣки тундры богаты цѣнной рыбой, съ семгой, чиромъ и омулемъ во главѣ. На морѣ бьютъ звѣрей изъ рода тюленей и дельфиновъ, а у береговъ Вайгача и Новой Земли промышленяютъ моржей и бѣлыхъ медвѣдей, по мѣстному, ошкучевъ. Морское побережье, рѣки и многочисленныя озера, особенно же островъ Колгуевъ изобилуютъ птицей, главнымъ образомъ, лебедями, гусями и утками. На материкѣ же охотятся на песцовъ и лисицъ, рѣже на росомаху, медвѣдя и волка.

Изъ продуктовъ растительнаго царства мѣстные жители собираютъ морошку (*Rubus chamaemorus*) и воронью ягоду (*Empetrum nigrum*), которыхъ родится часто такое множество, что является возможность собирать ихъ не прямо руками, по ягодкѣ, а особымъ гребнемъ, счесывающимъ ягоду съ поверхности тундры. Мамура (*Rubus arcticus*) ¹⁾ растетъ всюду въ переходной полосѣ, но не въ большомъ количествѣ.

Обширныя междурубчныя пространства, занятыя тундрой, постоянного населенія не имѣютъ, а служатъ мѣстомъ кочевомъ коренныхъ обитателей края, самоѣдовъ, принадлежащихъ, по мнѣнію Зографа ²⁾ къ типу, монголовъ, видоизмѣненному полярнымъ климатомъ, а по языку стоящихъ въ одной группѣ съ финнами и венграми.

Кочевой образъ жизни самоѣда и самое существованіе его въ тундрѣ неразрывно связаны съ сѣвернымъ оленемъ, единственнымъ животнымъ, довольствующимся оленьимъ ягелемъ или бѣ-

¹⁾ Называется по Печорѣ и Мезени земляникой. Настоящая земляника (*Fragaria vesca*) тамъ совсѣмъ неизвѣстна. Вполнѣ зрѣлые плоды *Fragaria vesca* я, однако, нашелъ на склонахъ къ Печорѣ, противъ села Оксина, но эту ягоду мои рабочіе изъ Мезени увидѣли тутъ впервые.

²⁾ Н. Ю. Зографъ. Антропологическій очеркъ самоѣдовъ. Москва. 1878 г.

лымъ оленнымъ мхомъ (*Cladonia rangiferina* также *Cetraria islandica*, *C. nivalis*, *Stereocaulon* и др.), единственнымъ растеніемъ, которое скудная природа сѣвера производитъ въ достаточномъ, хотя и ограниченномъ количествѣ. Этимъ ягелемъ покрыта вся тундра, за исключеніемъ мокрыхъ болотъ, и всѣ сосновые и еловые лѣса на сухой песчаной почвѣ, тогда какъ въ еловыхъ лѣсахъ на почвахъ сырыхъ, растутъ только различныя травы и несъѣдобныя лиственные мхи. Въ сырую погоду ягель всегда мягкій и влажный, а въ сухую онъ становится хрупкимъ, такъ что отъ ходьбы по немъ разсыпается на множество обломковъ.

Весьма характерной и въ высшей степени важной особенностью оленьяго ягеля является, съ одной стороны, способность его возобновиться отъ каждаго ничтожнаго обрывка, дающаго начало новому растенію, а съ другой, необычайно медленный, но за то и безпредѣльный ростъ этого растенія. Чтобы отрости на вершокъ, требуется, по самой меньшей мѣрѣ, лѣтъ двѣнадцать времени, а такъ какъ на хорошихъ пастбищахъ мохъ достигаетъ вышины въ 2 и даже болѣе вершка, то, для полученія такихъ пастбищъ, надо ждать цѣлыхъ четверть вѣка¹⁾.

Хотя ягель и растетъ безпредѣльно, но высота его все-таки не превышаетъ извѣстнаго максимума (около 2¹/₂—3 вершковъ), такъ какъ по мѣрѣ роста верхушки, части его, прикасающіяся почвѣ, отгниваютъ.

Необходимость для оленя постоянно отыскивать новыя мѣста для корма обуславливаетъ и необходимость кочеваго образа жизни человѣка, извлекающаго изъ оленя все необходимое для своего существованія.

Кромѣ ягеля, на образъ жизни оленя и кочевника вліяютъ еще два главныхъ фактора природы; это, во-первыхъ, страшныя метели и стужа зимою, заставляющія человѣка уходить со стадами въ лѣсную полосу, гдѣ вѣтры не такъ опасны, гдѣ и топлива достаточно, а во-вторыхъ, появленіе въ теплое время года несмѣтнаго множества комаровъ, преслѣдующихъ человѣка и животныхъ, особенно въ лѣсной полосѣ, откуда кочевники, поэтому, старается выбраться на лѣто въ открытую тундру, гдѣ частые вѣтры нѣсколько ослабляютъ мученіе отъ комаровъ, оводовъ и слѣпней.

¹⁾ Медленный ростъ ягеля былъ главною причиною, почему возникшіе было въ Швеціи заводы для винокуренія изъ ягеля должны были закрыться, такъ какъ привозить ягель издали было невыгодно.

Но производить такія перекочевки лѣтомъ въ тундру изъ лѣсной полосы, а въ эту послѣднюю зимою изъ тундры, можно только съ болѣе или менѣе значительнымъ стадомъ, когда олени держатся дружныѣ при большихъ перекочевкахъ, не такъ легко разбѣгаются отъ преслѣдующихъ ихъ насѣкомыхъ и хищныхъ звѣрей. Теперь, когда большинство самоѣдовъ сильно обѣдняли, часть ихъ остается круглый годъ въ открытой тудрѣ, занимаясь здѣсь зимою морскими промыслами, другая часть сидитъ въ лѣсахъ по озерамъ, гдѣ ловить рыбу и ею кормится, спасаясь отъ насѣкомыхъ въ дыму костровъ.

Олень, какъ уже замѣчено выше, даетъ кочевнику рѣшительно все, необходимое для существованія. Изъ оленьихъ шкуръ самоѣдка шьетъ обувь и одежду для всей семьи, употребляя, вмѣсто нитки, чрезвычайно крѣпкія волокна изъ сухожилій оленя. Изъ шкуры же сшивается и покрышка для зимняго чума. Мясо оленя составляетъ любимое блюдо самоѣда, могущаго прекрасно обходиться и безъ хлѣба. Изъ оленьихъ роговъ, ежегодно сбрасываемыхъ зимою, а къ слѣдующей осени отрастающихъ снова, дѣлаются кольца и вставки для оленьей упряжи, а оленья кровь служитъ лакомой приправой къ мясу. Желудокъ служитъ для сохраненія крови, даже нѣжная кожа, покрывающая весною и лѣтомъ рога оленя, идетъ въ пищу. Особенно же цѣнятся костный мозгъ, которымъ самоѣдъ обязательно дѣлится со всѣми членами семьи, предлагая его и случайному гостю.

Оленину теперь самоѣды ѣдятъ не особенно часто, довольствуясь рыбой или дичью, а если ихъ нѣтъ, то хлѣбомъ. Только разъ мнѣ пришлось видѣть приготовленіе и уничтоженіе любимого ихъ, такъ сказать, національнаго, блюда.

Притащили большого копытомъ быка, котораго сначала оглушили нѣсколькими ударами обухомъ топора по головѣ, а потомъ закололи. Разрушивъ затѣмъ головной мозгъ воткнутымъ въ него сзади ножомъ, самоѣдъ содралъ шкуру съ оленя, вскрылъ брюшную полость и вынулъ изъ нея внутренности.

Съ жадностью стали затѣмъ самоѣды, окружившіе лежащую на землѣ тушу, отрѣзывать себѣ куски теплаго, дымящагося мяса, намачивать ихъ въ крови, накопившейся въ брюшной полости, и направлять куски въ ротъ, обрѣзая лишнее передъ самыми губами.

Нечего и говорить, что руки и фізіономіи пирующихъ были при этомъ въ крови.

Я замѣтилъ, что такой способъ ѣды можетъ постороннему зрителю показаться ужаснымъ, что незнающіи люди могутъ принять самоѣдовъ за людей дикихъ, кровожадныхъ. Но самоѣды отвѣтили мнѣ, что ничего тутъ ужаснаго нѣтъ, что олень мертвый, не чувствуетъ боли. Вотъ, остяки, дѣйствительно, ужасны, когда ѣдятъ оленя: они, продолжая самоѣду, оглушивъ, но не убивъ оленя, втыкають въ него заостренные палочки, чтобы дать крови лучше пропитать сало и мясо. Потомъ уже они сдирають съ него шкуру. «Мы всё стосковались по крови», замѣтилъ самоѣды.

Одинъ изъ моихъ рабочихъ, русскій изъ Мезени, охотно примкнулъ къ самоѣдской трапезѣ, другой постѣдовалъ бы его примѣру, да стѣснялся меня.

Самоѣды очень любятъ чай, котораго выпивають вдвоемъ около пяти-восьми фунтовъ въ годъ, платя не менѣе двухъ рублей за фунтъ. Сахаръ имъ стоитъ отъ 35 до 60 копѣекъ фунтъ, расходуютъ его на двоихъ отъ 25 до 60 фунтовъ въ годъ.

Масло коровье, покупаемое у русскихъ, они любятъ класть въ чай. Своего масла у нихъ нѣтъ, такъ какъ оленей они никогда не доятъ.

Еще въ, сравнительно, недавнее время самоѣды ходили лѣтомъ и зимой въ одномъ и томъ же костюмѣ. Онъ состоитъ у мужчинъ изъ мѣховою оленьей рубашки, шерстью внутрь, такъ называемой малицы, изъ мѣховыхъ шароваръ и мѣховыхъ же сапоговъ, нимъ, сшиваемыхъ изъ шкуръ, снятыхъ съ ногъ оленя. Эти нимы носятся шерстью наружу. Зимой поверхъ малицы надѣвается совикъ, т. е. рубашка же, но шерстью наружу и снабженная, сюзомъ, плотно облегающимъ голову и оставляющимъ свободнымъ только лицо. На ноги зимою надѣваются ленты, т. е. мѣховые чулки, шерстью внутрь, а поверхъ ихъ нимы.

Женскій костюмъ отличается только тѣмъ, что малицы замѣнены здѣсь паницей, на которую нашиваютъ разноцвѣтные мѣха и суконныя полосы.

Теперь самоѣды носятъ лѣтомъ такой же костюмъ, какъ и русскіе, т. е. ситцевую рубашку съ кушакомъ, ситцевые же шаровары и сапоги чулкомъ съ широкой подошвой, подвязываемые ниже колѣнъ и называемые «бахилами».

Лѣтомъ самоѣды живутъ въ чуму, покрытомъ большими листьями бересты, сшитыми изъ предварительно распаренныхъ,

болѣе мелкихъ кусковъ. Зимною чумъ покрывается двумя рядами оленьихъ шкуръ (нюками и подночьемъ).

Основой чума служатъ длинные песты, которые складываются верхушками такъ, чтобы образовался конусъ. Въ вершинѣ конуса оставляется отверстіе, для выхода дыма отъ костра, горящаго въ центрѣ чума. Въ жаркое время года, когда въ чумъ залетаетъ масса комаровъ, верхнее отверстіе сѣуживается, съ тою дѣлюю, чтобы дымъ наполнялъ чумъ и выгонялъ этихъ насѣкомыхъ.

Въ зависимости отъ величины семьи, и размѣры чума бываютъ различны. Обыкновенно они ставятся на 20—25 пестяхъ. Но у богачей ставятся чумы и въ 40—50 пестовъ, вмѣщающіе человѣкъ 15 — 20.

Топливомъ служатъ въ открытой тундрѣ мелкіе прутья ивнячка, почти всегда растущаго по берегамъ рѣчекъ. Такое топливо, конечно, болѣе дымить, чѣмъ грѣетъ, но оно все-таки даетъ возможность вскипятить воду. Кромѣ того, на морскомъ берегу всегда можно найти въ достаточномъ количествѣ топливо, въ видѣ выброшенныхъ моремъ, древесныхъ остатковъ.

Канинскіе и Тиманскіе самоѣды, постоянно сталкивающіеся съ русскими, а зимою часто даже и живущіе около русскихъ деревень, всѣ поголовно прекрасно говорятъ по-русски, а нѣкоторые изъ нихъ усвоили себѣ русскія привычки, знаютъ русскія пѣсни и даже недурно играютъ на гармоникѣ. Всѣ они христіане, впрочемъ, больше номинально, такъ какъ жизнь въ тундрѣ не даетъ имъ возможности посѣщать церковь и получать хотя бы какое нибудь представленіе о христіанствѣ.

Отсутствіе путей сообщенія лѣтомъ, а зимою постоянная борьба съ суровой природой и необходимость добывать себѣ пропитаніе промыслами, препятствуютъ самоѣдамъ, какъ то требуетъ церковь, своевременно крестить ребенка, вѣнчаться у алтаря и хоронить покойника на кладбищѣ. Крестятъ дѣтей и вѣнчаются зимою, когда случай приведетъ въ церковь, а покойника хоронятъ и тамъ, гдѣ удобнѣе. Самоѣдъ считаетъ, однако, своею нравственною обязанностью отвезти, при случаѣ, горсть земли съ могилы къ священнику, для совершенія надъ ней молитвы. Эту землю онъ привозитъ затѣмъ обратно на могилу, чѣмъ всѣ обрядности считаются исполненными. Русскіе, живущіе вдали отъ церквей, вынуждены, впрочемъ, слѣдовать, въ этомъ отношеніи, примѣру самоѣдовъ. Имя, которое ребенку дается при крещеніи, родители иногда забываютъ, называя тогда своихъ сына или дочь произ-

вольно выбраннымъ другимъ именемъ. Такъ, теперь осѣдлый самоѣдъ Никита Варницынъ, въ дѣтствѣ долго назывался Степаномъ, пока, наконецъ, священникъ не разъяснилъ родителямъ, что сына ихъ зовутъ Никитой.

Среди самоѣдовъ за-печорскихъ, больше-земельскихъ, имѣются и теперь язычники и встрѣчаются лица, по-русски не говорящія.

Еще полвѣка тому назадъ, когда язычники были и въ Малой Землѣ, покойниковъ хоронили не зарывая, а оставляя въ деревянныхъ ящикахъ, подъ защитою саней, прямо на тундрѣ. Покойнику клали въ дорогу ружье, топоръ и сверло. Такія могилы, халмеры, можно, въ видѣ большой рѣдкости, найти въ тундрѣ еще и теперь. Обычай оставлять покойника на поверхности земли находится, вѣроятно, въ связи съ вѣчной мерзлотой въ почвѣ, почему покойника трудно было бы зарывать въ землю. Кромѣ того, у самоѣдовъ и теперь нѣтъ въ употребленіи лопаты, съ которою они совсѣмъ не умѣютъ обращаться.

Многовѣковое приспособленіе къ тундрѣ развило въ самоѣдѣ замѣчательную способность узнавать мѣсто, когда либо имъ видѣнное. Онъ знаетъ каждое возвышеніице, каждое болото, каждую рѣчку. Если самоѣдъ давно гдѣ нибудь не бывалъ, то изрѣдка становится на свои сани, съ минуту всматривается въ даль, приложивъ къ глазамъ ладонь козырькомъ и безошибочно идетъ затѣмъ впередъ, не справляясь ни съ часами, ни съ компасомъ или солнцемъ, а только со своею памятью и наблюдательностью, позволяющими ему отличать каждую, даже самую ничтожную, впадинку на ровной линіи горизонта. Изъ множества лѣсистыхъ холмиковъ по сѣверной границѣ лѣса, на мой взглядъ, равно ничѣмъ другъ отъ друга не отличающихся, онъ уже издали выбираетъ тотъ, гдѣ удобнѣе поставить палатку и чумъ, гдѣ ближе вода, гдѣ больше корму для оленя. Идя по лѣсу, самоѣдъ оставляетъ на деревѣ или подъ нимъ ненужныя болѣе въ дорогѣ вещи, рыболовныя сѣти, лишній топоръ, опорожненную бочку, прекрасно помня каждое дерево и снова находя эти вещи, когда понадобятся. Самоѣдъ, даже подростокъ, почему либо на нѣсколько верстъ отставшій отъ товарищей или старшихъ, прекрасно находитъ ихъ по слѣдамъ, безъ всякой дороги. Онъ издали замѣчаетъ слѣды даже тамъ, гдѣ непривычный человѣкъ ихъ не различитъ и при самомъ внимательномъ осмотрѣ мха или кустарника. Зимой же самоѣдъ умѣетъ найти чумъ и оленей

даже во время метелей, когда, повидимому, всякіе слѣды занесены снѣгомъ.

Кромѣ этой феноменальной памяти на мѣстность, сравниваемой самими самоѣдами съ чутьемъ животныхъ, симпатичною особенностью самоѣда служить замѣчательная честность и неуязвимое добродушіе.

Кражи у тундровыхъ, «свободныхъ» самоѣдовъ никогда не встрѣчаются. Если и попадаютъ среди самоѣдовъ любители чужой собственности, то исключительно среди лицъ, обѣднѣвшихъ, потерявшихъ своихъ оленей и жившихъ нищими или рабочими у русскихъ.

Достаточно сказать, что довольно цѣнный, стоящій около 150 рублей, зимній чумъ и принадлежности зимняго костюма, лѣтомъ не нужные, не сохраняются гдѣ либо въ недоступномъ для постороннихъ глазъ мѣстѣ, а складываются на сани, прикрываются, отъ дождя, слоемъ торфа и берестой и ставятся гдѣ нибудь на совершенно открытомъ холмѣ или на ровной тундрѣ.

Чужая собственность считается у самоѣда святыней. Найденную гдѣ нибудь вещь самоѣдъ не присвоить себѣ, а оставить ее на мѣстѣ, въ расчетѣ, что явится самъ хозяинъ. Такъ, однимъ изъ шедшихъ со мною самоѣдовъ былъ найденъ платокъ, потерянный имъ здѣсь годъ тому назадъ, а въ другой разъ самоѣдъ не поднималъ ремня, кѣмъ-то забытаго. Точно также самоѣдъ всегда помнитъ разъ данное слово, всегда готовъ отдать послѣдняго оленя, чтобы выплатить долгъ. Самъ честный, онъ не допускаетъ обмана и со стороны русскаго, полагаясь на правильность долга, записаннаго кунцомъ въ книжку, къ которой онъ питаетъ чуть ли не священное благоговѣніе.

Грабежъ и убійства среди самоѣдовъ также неизвѣстны. Единственный случай, гдѣ самоѣдъ убилъ, въ пьяномъ видѣ, двухъ мальчиковъ, окончился самоубійствомъ этого самоѣда, пришедшаго въ ужасъ отъ своего поступка.

Драки представляютъ чрезвычайно рѣдкое явленіе. Не разъ мнѣ приходилось видѣть бурную бесѣду пьяныхъ самоѣдовъ, сильно жестикулировавшихъ и горячо что-то другъ другу доказывавшихъ, но до драки дѣло никогда не доходило, а заканчивалось всегда безсвязнымъ лепетомъ и мирнымъ сномъ пировавшихъ.

Эта мягкость нрава отражается и на отношеніи самоѣдовъ къ дѣтямъ, которыхъ они чрезвычайно любятъ и никогда не позволяютъ себѣ ихъ бить. Какъ только ребенокъ подрастетъ настолько,

что начнет проявлять нѣкоторую самостоятельность, мальчику даютъ въ руки небольшой арканчикъ, на которомъ онъ привыкаетъ ловить оленей, забрасывая его на собакъ, или молодыхъ телятъ. Дѣвочку же приучаютъ трепать оленьи сухожилья и скручивать изъ нихъ нити, которыми она сшиваетъ изъ обрѣзковъ мѣха или разноцвѣтнаго сукна наряды для своихъ куколъ.

Въ школы дѣти самоѣдовъ попадаютъ въ видѣ исключенія, но тѣ немногіе случаи, гдѣ самоѣды обучались грамотѣ, показываютъ, какъ свидѣлствуютъ городской учитель въ Мезени и священникъ въ селѣ Оксинѣ на Печорѣ, что самоѣды отличаются отнюдь не меньшими способностями, чѣмъ дѣти русскихъ. Миѣніе, будто самоѣды не способны къ развитію, слѣдуетъ, поэтому, отнести въ разрядъ предрасудковъ.

Самоѣды всѣ поголовно прекрасные стрѣлки. Въ употребленіи у нихъ еще и теперь почти исключительно желѣзные ружья, съ кремневымъ замкомъ, дѣлаемые мѣстными русскими кузнецами. Кремневое ружье требуетъ меньше ухода, не такъ боится ржавчины, почему и предпочитается пистонному, тѣмъ болѣе, что послѣднее не всякій кузнецъ сумѣлъ бы починить, въ случаѣ порчи. Стрѣляютъ изъ кремневыхъ винтовокъ пулями, величиной съ горошину, или лѣсной орѣхъ, которыя откусываютъ зубами отъ свинцовой, свернутой въ спираль, полоски. Готовое ружье стоитъ отъ 5 до 15 рублей, а особенно удачныя до 30 и 40 рублей, порохъ же до рубля и болѣе. Чтобы порохъ не отсырѣлъ, на полку кладутъ кусочекъ оленьей кожи. Въ птицу на лету никогда не стрѣляютъ, а ждутъ, пока она сядетъ. Любимымъ объектомъ охоты служить зимою дикій олень—дикарь, къ которому самоѣдъ осторожно подкрадывается на лыжахъ, одѣтый въ бѣлое и защищенный бѣлымъ щитомъ отъ глазъ чуткаго животнаго.

Къ домашнему оленю дикарь не пристаётъ, за то случается, что олень домашній, напуганный волками, или бѣгущій противъ вѣтра, отъ оводовъ и комаровъ, попадаетъ въ стадо дикарей. Онъ тогда самъ дичаетъ и къ чуму уже не возвращается, не смотря ни на костры, ни на клики самоѣда, при помощи которыхъ убѣжавшаго или отставшаго оленя обыкновенно удается вернуть къ стаду. Олень, одичавшій, уже хорошо знакомый съ человѣкомъ, еще гораздо осторожнѣе своего дикаго родича и несравненно труднѣе дѣлается добычей охотника.

Олень домашній легко дѣлается ручнымъ до того, что заходитъ прямо въ чумъ, требуя себѣ хлѣба, но обыкновенно

олени только свыкаются съ человѣкомъ, а не приручаются. Олень человѣка къ себѣ не подпускаетъ и изъ рукъ его пищи не беретъ, даже если ему поднести самое любимое его лакомство—грибы, въ поискахъ за которыми онъ иногда далеко уходитъ отъ стада.

Чтобы поймать одного какого нибудь оленя, ему на вѣтвистые рога набрасывается арканъ, тынзей, по-самоѣдски, и только тогда уже оленя можно взять за эти рога руками и привести къ санямъ.

Чтобы поймать нѣсколько оленей для запряжки, самоѣды устраиваютъ изъ саней и веревокъ кругъ, юрокъ, въ который и стараются, бѣгая за оленями, размахивая палками, загнать воровыхъ быковъ. Привычные олени прямо идутъ въ юрокъ, большинство же, обыкновенно убѣгаютъ, преслѣдуемые собаками, старающимися ихъ вернуть. Нѣкоторыхъ, особенно строптивыхъ, приходится все-таки ловить тынземъ. На «иманье» и запряжку оленей уходитъ всегда нѣсколько часовъ.

У богатыхъ оленеводовъ олени лучше приучены къ юрку, почему и поимка ихъ происходитъ гораздо скорѣе. Чтобы приучить быковъ къ юрку, имъ привязываютъ на шею грузъ, вѣсомъ до пуда, послѣ чего, устройвъ юрокъ, къ нему загоняютъ все стадо, состоящее иногда изъ 2—3000 головъ и болѣе. Оленицы, называемыхъ важенками, и быковъ, не идущихъ въ запряжку, затѣмъ снова отгоняютъ. Десятка три быковъ съ грузомъ на шеѣ при этомъ, конечно, тоже убѣгаютъ, но скоро отстаютъ отъ остальныхъ, такъ что ихъ ловятъ и снова приводятъ въ юрокъ. Очень строптивыхъ даже бьютъ при этомъ и удерживаютъ въ юркѣ насильно. Быки скоро привыкаютъ оставаться на мѣстѣ и безъ груза, какъ только у пригнаннаго къ юрку стада появятся рабочіе и подымутъ свои палки, чтобы отогнать ненужныхъ оленей ¹⁾).

Необходимую принадлежностью оленьяго хозяйства является собака. Безъ нея самоѣду трудно было бы собрать свое стадо, трудно было бы и во время передвиженій по тундрѣ слѣдить за тѣмъ, чтобы стадо не разбѣжалось, чтобы отдѣльные олени не отставали. Стоитъ самоѣду позвать свою «лыску», «тажо», «лапу» или «ворона», указать собакѣ рукою въ сторону отставшихъ, крикнуть, повторяя букву «р», и «лыска» или «лапа» стремглавъ побѣжитъ туда, гдѣ замѣшались олени, яростно залаетъ и живо

¹⁾ Для упряжи особенно цѣнятся ремни изъ шкуры морскаго зайца, которая разрѣзается спирально поперекъ тѣла животнаго цѣлыми лентами, шириною въ 2 пальца и длиною въ 10 сажень. Такихъ лентъ одна шкура даетъ до 5.

пригонить ихъ къ стаду. Отгнавъ часть оленей, собака привскакиваетъ на заднія лапы, оглядывается, чтобы убѣдиться, нѣтъ ли еще работы и затѣмъ уже возвращается къ обозу, чтобы, по новому оклику хозяина, снова исполнять свою службу. Часто бываетъ совершенно достаточно только показаться собакамъ, чтобы отставшій олень побѣжалъ къ ушедшимъ впередъ товарищамъ.

Оленей лѣнивыхъ, часто отстающихъ отъ стада или даже убѣгающихъ отъ него, самоѣды отучиваютъ отъ этой привычки довольно жестокимъ способомъ.

Поймавъ такого оленя, самоѣдъ опутываетъ ему переднія ноги и привязываетъ за шею къ санямъ, запряженнымъ четверкой или пятеркой оленей, которыхъ потомъ погоняетъ быстрой рысью. Спутанный олень долженъ, волей-неволей, бѣжать за санями, сильно, конечно, утомляясь, но, какъ говорятъ самоѣды, радикально излечиваясь отъ дурной привычки.

Безъ оленя, тундра была бы необитаемой для человѣка, потому что никакое другое животное не въ состояніи пройти тамъ, гдѣ проходитъ олень. Онъ не требуетъ дороги, а идетъ прямо не только по мшистому песку, но и по густымъ и высокимъ зарослямъ ивняка, подгибая его подъ себя и перетаскивая черезъ него высокія самоѣдскія сани; онъ идетъ, безъ дороги, и по лѣсу, по аршиннымъ кочкамъ, по торфянымъ буграмъ, по мокрымъ ерсеямъ, постоянно въ нихъ проваливаясь и перебираясь на болѣе сухое мѣсто вплавь. При всемъ томъ онъ не вполнѣ свободенъ въ своихъ движеніяхъ, такъ какъ долженъ тащить за собою нагруженные сани, будучи въ одну упряжь связанъ съ другими оленями и привязанъ къ переднимъ санямъ! Невольно удивляешься выносливости этого животного и идеальному приспособленію его къ условіямъ сѣвера. Торфяникъ, напримѣръ, представляющій прекрасную точку опоры для широкаго копыта легкаго оленя, почти не проходимъ для лошади. Мнѣ пришлось разъ видѣть, какъ мучилась лошадь при переходѣ черезъ небольшой торфяникъ. Она съ каждымъ шагомъ проваливалась въ него по колѣно, постоянно фыркала, тяжело дышала, часто останавливалась, обнаруживая крайнее беспокойство. Лошадь уступаетъ оленю въ тундрѣ и зимой, такъ какъ олень и самоѣдъ всегда найдутъ дорогу и въ метель, съ лошадыю же бывали случаи гибели людей и коня. Кромѣ того, олень, если нужно, можетъ цѣлыя сутки и болѣе оставаться безъ корма. Такъ, прѣзжая зимой въ городъ, самоѣды возвращаются въ тундру иногда лишь на другой день. Олень, все время ничего

не ѣвший, въ состояніи провести хозяина еще въ тундру верстъ за 20 и болѣе. Олени, стоящіе зимою на Невѣ, въ теченіе дня также обыкновенно ничего не ѣдятъ, утоляя свой голодъ только по возвращеніи вечеромъ въ сосновый боръ у Лахты, гдѣ растетъ олений ягель.

Самоѣдъ, получающій отъ оленя рѣшительно все необходимое, взаимѣнъ того, ровно ничего ему не даетъ, такъ какъ даже и зимою олень самъ себѣ добываетъ кормъ изъ-подъ снѣга, прекрасно чуя, гдѣ есть ягель и гдѣ его нѣтъ. Самоѣду приходится только приспособлять свою жизнь къ оленю, что онъ и дѣлаетъ. Самоѣдъ, владѣющій достаточнымъ числомъ оленей, не знаетъ ни заботъ о завтрашнемъ днѣ, ни тяжелаго труда крестьянина. Жизнь же на тундрѣ далеко не такъ непріятна и для посторонняго, какъ это можетъ показаться при первомъ взглядѣ. Понятно, почему самоѣды неохотно переходятъ къ осѣдлому образу жизни и почему русскіе, особенно же зыряне, владѣя оленями, легко становятся кочевниками, возвращаясь въ свои села только на время самыхъ суровыхъ зимнихъ мѣсяцевъ.

До какой степени самоѣдъ любитъ оленей, съ которыми у него связана возможность самостоятельнаго существованія, до какой степени онъ свыкается съ оленемъ—покажутъ нѣсколько примѣровъ. На Печорѣ я разговаривалъ съ безоленнымъ самоѣдомъ Баракулевымъ, потерявшимъ въ 1887 г. почти 4000 головъ оленей на островѣ Колгуевѣ, а теперь служащимъ простымъ рабочимъ у русскаго. Когда зашла рѣчь объ оленяхъ Баракулева, онъ только махнулъ рукой, отвернулся и ушелъ. Старшина Апицынъ рассказывая мнѣ на Индигѣ, какъ у него въ 1887-же году пало множество оленей, не вытерпѣлъ и разрыдался. Темной ночью десятаго сентября, когда мы стояли чумомъ на тундрѣ, верстахъ въ 5 къ югу отъ рѣки Волонги, гдѣ самоѣды ловили рыбу, собаки наши вдругъ тревожно залаяли, замѣтивъ какую-то, приближающуюся съ сѣвера, фигуру. Оказалось, къ намъ шель съ Волонги безоленный самоѣдъ Соболевъ, желавшій единственно только побывать съ оленями, по которымъ онъ страшно соскучился. Для этого онъ нисколько не затруднился пройти темною ночью пѣшкомъ 5 верстъ по трудно-проходимой болотистой тундрѣ.

Изъ болѣзней самоѣды болѣе всего страдаютъ отъ оспы или, какъ ее обыкновенно называютъ, «оспицы», нисколько не щадящей и русскихъ. Смертность отъ этой болѣзни весьма значительная, такъ какъ средствъ борьбы съ нею нѣтъ никакихъ. Громадность

разстояній и отсутствіе путей сообщенія не даетъ возможности произвести своевременно прививку. Кромѣ того, у оспопрививателя, живущаго въ селѣ, въ самое нужное время не оказывается лимфы, какъ это было въ 1892 г., когда въ обоихъ селеніяхъ по Пешѣ, насчитывающихъ всего 23 двора, умерло отъ оспы 15 человѣкъ дѣтей! Въ тундрѣ трудно встрѣтить самоѣда, лицо котораго не было бы обезображено этой страшной болѣзью.

Тундра имѣетъ много общаго со степями. Это сходство доходитъ даже до кочевого образа жизни человѣка. Коренное различіе заключается, однако, въ томъ, что въ степи скотъ можетъ пользоваться однимъ и тѣмъ же пастбищемъ неограниченное число лѣтъ, а на тундрѣ пастбище, разъ объѣденное скотомъ, производитъ пищу лишь по прошествіи многихъ лѣтъ.

Въ степяхъ кормовое вещество возможно, кромѣ того, получить посѣвомъ, ягель же, растущій рѣшительно вездѣ, при сколько нибудь благопріятныхъ почвенныхъ условіяхъ, разводить еще искусственно нѣтъ смысла, тѣмъ болѣе, что ускорить его ростъ не во власти человѣка.

Тундра въ состояніи прокормить лишь ограниченное число оленей, почему и плотность населенія ея не можетъ быть велика и никогда такою не была.

Въ Тиманской тундрѣ числилось въ 1892 г. всего 355 ревизскихъ душъ самоѣдовъ:

въ 1859 году	386 душъ
» 1843 »	412 »
» 1784 »	402 »

но изъ тѣхъ 355 душъ, которыя считаются кочующими самоѣдами Тиманской тундры, только одна седьмая часть, только 50 человѣкъ владѣютъ оленями, въ количествѣ 2500 головъ оленей, притомъ у самаго богатаго оленевода всего 180 головъ оленей, а такихъ богачей во всей тундрѣ всего 3 человѣка. Дѣйствительно же богатымъ надо считать самоѣда, владѣющаго не менѣе 1000 головъ.

Самоѣдовъ пустозерскаго вѣдомства большеземельской тундры числилось въ 1892 году 954 души, изъ которыхъ 105 душъ или $\frac{1}{9}$ часть владѣетъ 16760 головъ оленей.

Всего же во всѣхъ трехъ тундрахъ числится не болѣе 5000 душъ самоѣдовъ обоого пола, которымъ принадлежатъ 35000 оленей. Эти числа хотя и не абсолютно точныя, но, насколько это было воз-

можно, провѣренныя мною на мѣстѣ, показываютъ достаточно убѣдительно, что громадное большинство самоѣдовъ не имѣетъ собственнаго хозяйства, а вынуждено жить на сторонѣ. Эти немущіе и живутъ въ большинствѣ случаевъ рабочими у русскихъ или зырянъ, нищенствуютъ или же обзаводятся осѣдлымъ хозяйствомъ. Гдѣ же причина такого печальнаго положенія коренныхъ обитателей тундры?

Лѣса, тундры да олень, среди которыхъ много вѣковъ проходила вся жизнь самоѣда, вполне обеспечивали его благосостояніе лишь до тѣхъ поръ, пока онъ не встрѣтился съ пришлыми людьми, поселившимися въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ нимъ и привившими ему цѣлый рядъ новыхъ потребностей.

Стремленіемъ этихъ пришельцевъ, русскихъ, имѣвшихъ на сѣверѣ свои поселки уже въ XVI столѣтіи¹⁾, было, естественно, скорѣйшее обогащеніе, такъ какъ торговля съ самоѣдами давала гораздо большіе барыши, чѣмъ рыбные и звѣриныя промыслы или занятіе скотоводствомъ. По свидѣтельству иностранныхъ путешественниковъ, еще въ XV вѣкѣ, за желѣзный топоръ, напр., платили на сѣверѣ столько соболей, сколько московскіе купцы, связавъ вмѣстѣ, могли продѣть въ отверстіе топора, куда вставляется топориче.

Всякая торговая сдѣлка, особенно болѣе крупная, начинается всегда съ угощенія самоѣда виномъ и только когда проявится его дѣйствіе, русскій торговецъ-кулакъ, хорошо знающій, что съ повеселѣвшимъ отъ вина самоѣдомъ можно дѣлать все, что угодно, приступаетъ къ мнѣнью. Въ результатѣ, русскій обираетъ у самоѣда весь его промыселъ, а самоѣдъ получаетъ отъ русскаго, кромѣ хлѣба, чаю и сахару, сдѣлавшихся предметами необходимости, часто еще совершенно ненужныя ему вещи, напр., лакомства, наряды, игрушки и т. п. При расчетѣ, впрочемъ, всегда оказывается, что даже самаго обильнаго лова не достаетъ на уплату за взятый у русскаго товаръ.

Въ такомъ видѣ происходитъ торговля, какъ при посѣщеніи русскихъ селъ самоѣдами, такъ и осенью и зимою, когда русскіе отправляются со своими товарами въ тундру, чтобы взять у самоѣда все, что онъ успѣлъ за годъ упромыслить. Строгое запрещеніе ввозить въ тундру спиртные напитки нисколько не

¹⁾ Въ граматѣ 1545 г. упоминается объ Окладниковой слободкѣ (нынѣ Мезени), о Лампожнѣ на Мезени и о Пустозерскѣ.

удерживаетъ торговцевъ отъ столь выгодной торговли виномъ, такъ какъ они очень хорошо знаютъ, что отсутствіе путей сообщенія дѣлаетъ эту торговлю совершенно безконтрольною.

Надо еще замѣтить, что съ самоѣдами имѣютъ дѣла не только торговцы города Мезени и большихъ селъ по Печорѣ (Великовисочное, Оксина, Пустозерскъ и др.), но и крестьяне по рѣкамъ Мезени, Пезѣ, Пешѣ, Омѣ, Снопѣ, Индигѣ и Сулѣ. Каждый русскій крестьянинъ, давая самоѣдамъ въ долгъ хлѣбъ, водку (безъ права на торговлю ею), чай, сахаръ, табакъ и пр., старается приобрести какъ можно больше «задатчиковъ» среди самоѣдовъ, т. е. лицъ, обязанныхъ сдавать ему продукты своего промысла, конечно, по цѣнамъ, какія заблагоразсудится назначить русскому ¹⁾. Долги самоѣдовъ можно считать дѣйствительно громадными, такъ какъ долгъ въ 40—50 рублей не считается большимъ, доходя часто до 100 и болѣе рублей. Эти долги, за которыми рускіе сами являются въ тундру, самоѣды выплачиваютъ продуктами промысла или оленями.

Задолженность самоѣдовъ, искусственно поддерживаемая русскими, отчасти и зырянами, служить одною изъ главныхъ причинъ постепеннаго упадка экономическаго благосостоянія самоѣдовъ, вынужденныхъ работать не на себя, а на «хозяина». Неопытность въ торговыхъ дѣлахъ и недостатокъ энергій не позволяютъ, въ большинствѣ случаевъ, самоѣду искать для продуктовъ своего промысла болѣе выгоднаго рынка, сдавая ихъ чердынскимъ купцамъ на Печорѣ прямо, а не при посредствѣ мѣстныхъ русскихъ, или отвозя въ Пинегу на ярмарку ²⁾.

Кромѣ задолженности, другою, также весьма важною, причиною обѣднѣнія самоѣдовъ являются въ послѣднее время па-

¹⁾ Характерно, что у торговцевъ на Печорѣ цѣны, назначаемыя для самоѣдовъ, обыкновенно иныя, чѣмъ для мѣстныхъ крестьянъ. Такъ, въ 1892 г.

Хлѣбъ продавался крестьянамъ по 17 р. 50 к. за куль въ 9 п., а самоѣдамъ по 20—22 р.

Сахаръ » » — » 27—28 коп. за фунтъ » 40 к.

Табакъ » » — » 30 коп. за фунтъ » 50 »

Кромѣ того, за водку неочищенную самоѣды платятъ . . . 3 р. четверть

чай. 2 » фунтъ

соль. 1 » пудъ

порохъ 1 » 20 к. фунтъ

²⁾ Самоѣдъ, продавшій товаръ русскому, нерѣдко нанимается отвозить этотъ же товаръ прямо на рынокъ, куда онъ самостоятельно ѣхать не рѣшается! Самоѣдъ продаетъ русскому, за хлѣбъ и водку, свое право рыбной ловли на рѣкѣ и самъ же ловить для русскаго рыбу.

дежи оленей отъ сибирской язвы, называемой тамъ «холерой». Эти падежи заставляютъ самоѣда бросать кочевой образъ жизни и поступать въ рабочіе, или пастухи къ русскому или зырянину¹⁾. Въ такомъ случаѣ онъ ставитъ свой чумъ около русскаго села, гдѣ и оставляетъ свою семью, вынужденную жить милостыней и исполненіемъ случайныхъ работъ, а самъ отправляется на промыслы. Около русскихъ селеній на сѣверѣ, особенно въ Пустозерской волости, можно всегда встрѣтить, по крайней мѣрѣ, одинъ чумъ, иногда же число чумовъ около села доходить до пяти и болѣе. Всѣ эти чумы принадлежатъ обѣднѣвшимъ, безоленнымъ, бывшимъ владѣльцамъ стадъ иногда въ нѣсколько сотъ и даже тысячъ головъ, самоѣдамъ, предпочитающимъ жизнь въ чуму и не покидающимъ надежды когда нибудь снова обзавестись стадомъ оленей и снова зажить собственнымъ хозяйствомъ. Безоленныхъ, нищенствующихъ самоѣдовъ называютъ «ѣдомскими» или сидящими на «ѣдомѣ».

Лучшимъ, хотя и весьма печальнымъ, примѣромъ обѣднѣнія служатъ самоѣды острова Колгуева, славящагося обиліемъ мясной и пушной птицы. Еще въ 70-хъ и 80-хъ годахъ здѣсь числилось свыше 12000 головъ оленей при 8—10 хозяевахъ, теперь же на островѣ осталось всего около 1500 оленей и только 5 чумовъ. Причина такого положенія дѣла лежитъ, главнымъ образомъ, въ полнѣйшемъ отсутствіи контроля надъ торговлею русскихъ, бравшихъ у самоѣдовъ, за свои товары, особенно за водку, все, что только можно было взять. Падежъ въ 1888 г., отъ какой-то копытной болѣзни, только ускорилъ разореніе самоѣдовъ, уже сильно обѣднѣвшихъ²⁾ и островъ, еще 10—15 лѣтъ тому назадъ посѣщавшійся ежегодно 9-ю судохозяевами, разбогатѣвшими на немъ, посѣщается теперь всего тремя торговцами на двухъ судахъ.

¹⁾ Одною изъ причинъ непрекращающихся падежей служить, вѣроятно, непримѣнимость въ тундрѣ обычныхъ средствъ борьбы съ эпизоотіями, такъ какъ присутствіе въ почвѣ на небольшой глубинѣ вѣчно мерзлаго слоя не позволяетъ закапывать трупы павшихъ животныхъ, которые, иногда цѣлыми сотнями и даже тысячами, остаются на поверхности, ничѣмъ, конечно, не дезинфицированными. Появленіе въ тундрѣ, вмѣстѣ съ зырянами, громадныхъ стадъ, которыя чрезвычайно трудно уберечь отъ посѣщенія падежныхъ мѣстъ, сохраняющихъ свою заразительность въ теченіе долгаго ряда лѣтъ, еще болѣе способствуетъ разнесенію заразы и зараженію тундры.

²⁾ Своимъ богатствомъ особенно славилась на Колгуевѣ Ерондичи-Апицны, теперь совсѣмъ обнищавшіе. Пустозерскіе купцы говорятъ, что Ерондичи проѣли свое богатство на лакомства!

Третья, весьма существенная, если не главная причина обѣдненія самоѣдовъ заключается во вторженіи въ тундру нѣсколькихъ зырянъ изъ деревень по рѣкѣ Ижмѣ и ея притокамъ. Многочисленные стада этихъ зырянъ, достигающія въ Тиманской тундрѣ 25000 головъ оленей, объѣдаютъ и вытаптываютъ пастбища, способныя, при неосторожномъ пользованіи, возобновиться лишь по прошествіи многихъ лѣтъ.

Самоѣды, для которыхъ олень является единственнымъ условіемъ самостоятельнаго существованія, берегутъ свою тундру и осторожно пасутъ на ней свои стада, придерживаясь лѣтомъ преимущественно болотистыхъ и поемныхъ луговъ и оставляя для зимняго пользованія мѣста, покрытыя ягелемъ, единственною пищею оленя въ зимнее время. Ижемцы же (какъ обыкновенно называютъ ижемскихъ зырянъ), имѣющіе возможность заниматься и хлѣбопашествомъ, являются въ тундру въ качествѣ хищниковъ, стремящихся только къ возможно быстрому обогащенію, путемъ откорма тысячныхъ стадъ на самоѣдскихъ земляхъ и продажи части этихъ стадъ на мясо и шкуры¹⁾.

Отъ падежа страдаютъ, конечно, и ижемцы, но имѣи обыкновенно свободныя деньги, они могутъ приобрести новое стадо у ижемцевъ же или у самоѣдовъ или же вернуться къ осѣдлому образу жизни, самоѣды же теряютъ съ оленемъ все.

Если спросить самоѣда о причинахъ бѣдности его самого и близкихъ ему, то прежде всего онъ начнетъ жаловаться на богатыхъ ижемцевъ, явившихся въ его тундру и не оставляющихъ ее, не смотря на напоминаніе о законѣ, признающемъ право на владѣніе тундрою исключительно за самоѣдами. Постоянныя встрѣчи и столкновенія съ ижемцами невольно заставляютъ самоѣда видѣть въ нихъ главнѣйшее зло. Другую причину своей бѣдности онъ видитъ въ частыхъ падежахъ, грозящихъ самоѣдамъ всей Тиманской тундры полнѣйшимъ разореніемъ.

Какъ ни удивительно, но къ русскимъ, уже не одно столѣтіе

¹⁾ Насколько выгодно откармливаніе оленя, для котораго нѣтъ надобности готовить кормъ на зиму, показываетъ слѣдующій расчетъ: изъ стада въ 1000 головъ, дающихъ ежегодно не менѣе 500—600 головъ приплода, можно ежегодно бить не менѣе 200 головъ, обыкновенно же около 400 головъ. Считая минимальную цѣну оленя въ 5 рублей (обыкновенно 7—8 рублей), доходъ отъ стада оленей въ 1000 головъ опредѣляется суммою не менѣе чѣмъ въ 1000 рублей въ годъ. У ижемцевъ не рѣдкость стада въ 2000—5000 головъ, у самаго же богатаго самоѣда Тиманской тундры было въ 1892 году всего 180 головъ оленей.

эксплуатирующимъ самоѣда, онъ относится вполне доброжелательно, считая ихъ своими друзьями, а иногда и кормильцами. Самоѣды сознаетъ, правда, что за всѣ товары, приобретаемые у русскаго, онъ платитъ слишкомъ дорого; онъ знаетъ, что, угощая его водкой, русскій желаетъ только подешевле приобрести товаръ, похощеніе купить оленей, но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ видитъ, что русскій его менѣе стѣсняетъ въ пастбищахъ и всегда умѣетъ быть съ нимъ обходительнымъ и ласковымъ, чего про ижемца онъ сказать не можетъ.

Притѣсненіе самоѣдовъ пришлыми людьми уже давно обратило на себя вниманіе русскаго правительства, которое уже при царѣ Іоаннѣ Грозномъ воспретило «Печерянамъ и Пермькамъ и русскимъ въ тѣ ихъ угодыя, въ рыбныя ловли и звѣриныя ухажан вступатися».

Не смотря, однако, на признаніе тундры собственностью исключительно самоѣдовъ и на запрещеніе стѣснять самоѣдовъ въ ихъ владѣніи, съ особенною опредѣленностью выраженное въ Высочайше утвержденномъ въ 1835 г. уставѣ объ управленіи самоѣдами, русскіе торговцы и нѣсколько оленеводовъ изъ зырянъ, пользующіеся отсутствіемъ контроля, продолжаютъ самымъ возмутительнымъ образомъ эксплуатировать коренное населеніе края ¹⁾. Закономъ 1835 г. самоѣды надѣлены всевозможными правами, обезпечивающими, казалось бы, не только благосостояніе, но и богатство ихъ. Но тотъ же законъ не устанавливаетъ, къ сожалѣнію, мѣры взысканія за нарушеніе его, почему даже въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда является возможность привлечь къ отвѣтственности нарушителя, судъ бываетъ вынужденъ ограничиваться опредѣленіемъ наказанія, вызывающаго только улыбку у подсудимаго ²⁾.

Закономъ не выяснены и границы тундры, такъ что угодыя, принадлежащія или принадлежавшія, несомнѣнно, самоѣдамъ, экс-

¹⁾ Съ самоѣдами торгуютъ безконтрольно и норвежцы, ежегодно приѣзжающіе со своими товарами къ берегамъ Большой Земли.

²⁾ Отсутствие путей сообщенія даетъ ижемцамъ возможность подолгу уклоняться отъ принятія повѣстокъ о явкѣ въ судъ и выиграть время для вторичнаго посѣщенія тундры, чтобы затѣмъ подвергнуться отвѣтственности по совокупности. Штрафъ въ 50 рублей, не находящійся ни въ какомъ соотвѣтствіи съ выгодами отъ нарушенія закона, но налагаемый мировымъ судьей, въ силу ст. 29 мирового устава, ижемецъ тутъ же уплачиваетъ, нисколько не думая отказываться отъ дальнѣйшаго нарушенія закона.

плоатируются русскими, считающими эти угодья «ничьєю собственностью», которою может пользоваться всякій. На самоѣдскихъ озерахъ, напр., на Варшѣ, Космѣ, и др. русскіе ловятъ рыбу, строятъ промысловыя избы, обзаводятся мѣстами даже оѣдлымъ хозяйствомъ, никому никакой аренды за пользованіе не платя, а только развѣ нанимая собственниковъ этихъ озеръ, самоѣдовъ, для перевозки упромышленной рыбы къ русскимъ селеніямъ или на рынокъ въ Мезень и Пинегу ¹⁾).

Теперь, въ результатѣ многовѣковой эксплуатаціи, самоѣды настолько обѣднѣли, что большинство вынуждены жить въ не-свойственной средѣ, заниматься необычнымъ дѣломъ. Одни изъ нихъ рѣшились разстаться съ чумомъ и оленемъ и вести оѣдлый образъ жизни, опровергая этимъ мнѣніе, будто племя, къ которому они принадлежатъ, неспособно къ культурѣ. Другіе берегутъ еще свой чумъ, имѣя надежду когда нибудь вернуться въ тундру и живутъ около русскихъ селеній, занимаясь, если нѣтъ другого заработка, нищенствомъ и служатъ только бременемъ для этихъ селеній, третьи, наконецъ, находятся со своими семьями въ услуженіи или даже въ полной кабалѣ у ижемцевъ, среди которыхъ они или дѣти ихъ даже забываютъ свой родной языкъ.

Оказаніе, пока еще возможно, помощи угнетенному племени и возвращеніе ему его законной собственности, тундры, дѣло не только справедливости, но и прямого расчета:

Ни русскій, ни зырянинъ не знаютъ такъ тундры, не умѣютъ такъ ориентироваться въ ней, какъ самоѣдъ, приспособившійся къ ней въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ или даже тысячелѣтій, съ нею сроднившійся. Несмотря на довольно продолжительное пребываніе въ тундрѣ, зыряне, напр., все же не могутъ обходиться безъ рабочихъ и пастуховъ изъ самоѣдовъ, прекрасно сознавая, что и всѣ привычки оленя и всѣ условія пастьбы его никто не знаетъ такъ, какъ самоѣдъ. Безъ самоѣда, и сама тундра превратилась бы скоро въ пустыню. Зыряне, отчасти и русскіе, ведущіе въ тундрѣ только хищническое хозяйство, быстро истощили бы ее и заразили падежными мѣстами. Оленеводство въ

¹⁾ Правда, по закону, «самоѣдамъ для кочевья назначена вся полоса земли въ Мезенскомъ уѣздѣ, извѣстная подъ именемъ Тиманской, Канинской и Большой Чельской тундры, за отмежеваніемъ опредѣленныхъ въ 1840 г. участковъ принадлежащихъ въ сихъ тундрахъ селеніямъ русскихъ жителей» (ст. 877, о состояніи и породѣ, т. IX, изд. 1876 г.), но по разнымъ причинамъ такого отмежеванія не произведено, да и границы самыхъ тундръ все же остаются не опредѣленными.

ней стало бы тогда невысказуемо, а безъ оленя тундра даже и не доступна, не только въ лѣтнее, но, въ значительной степени, и въ зимнее время, почему и промыслы въ ней сдѣлались бы невозможными.

Только жизнь самоѣда вполне приспособлена къ тундрѣ, только онъ выработалъ многолѣтнимъ опытомъ то хозяйство, которое этой тундрѣ болѣе всего свойственно, только самоѣдъ, поэтому, долженъ и оставаться хозяиномъ тундры.

Если я рѣшился коснуться здѣсь бѣдственнаго положенія самоѣдовъ, то да послужатъ мнѣ оправданіемъ слова Иславина, занимавшагося изученіемъ самоѣдовъ полвѣка тому назадъ, въ періодъ времени, когда тундрой сильно интересовались, когда Шренкъ и Рупрехтъ изслѣдовали ее въ ботаническомъ отношеніи, Кейзерлингъ и Крузенштернъ въ геологическомъ, а Кастренъ въ лингвистическомъ. Вотъ что говорилъ тогда Иславинъ ¹⁾.

«Въ послѣднія 5 лѣтъ нѣсколькимъ путешественникамъ пришлось посѣтить далекій нашъ сѣверъ, и именно ту часть, въ которой кочуютъ мезенскіе самоѣды. У всякаго былъ свой предметъ для наблюденія: кто, посреди скудной растительности, дѣлалъ изслѣдованія, обогатившія сѣверную флору; кто, по расположенію слоевъ минераловъ, заключалъ о давнихъ переворотахъ въ нѣдрахъ земли или, съ помощью звѣзды путеводной, слѣдилъ за правильнымъ теченіемъ водъ и положеніемъ горъ по моховой той пустынѣ; кто, наконецъ, подмѣчая звуки тѣхъ племенъ, сравнивалъ ихъ съ своими родными и открывалъ въ нихъ много сходнаго, находилъ новые матеріалы для лингвистики и исторіи народовъ, разбросанныхъ по обширному сѣверу; но никто изъ нихъ, даже посреди самыхъ увлекательныхъ занятій и наблюденій, не могъ не замѣтить бѣдности и уничиженія народа, которымъ былъ окруженъ, не могъ не внять жалобамъ его на притѣсненія въ теченіе болѣе полустолѣтія другимъ, сильнѣйшимъ племенемъ». «Желаю», говоритъ далѣе Иславинъ, «чтобы описаніе мое возбудило хотя малое участіе къ горсти людей, которые подлинно достойны этого по жалкому своему положенію».

¹⁾ Вл. Иславинъ. Самоѣды въ домашнемъ и общественномъ быту. Спб. 1847. Стр. I—IV.

СОДЕРЖАНІЕ:

	стр.
Маршрутъ	2
Передвиженіе на оленяхъ	5
Луга	6
Погода	7
Типы тундры	8
Бугры; мерзлота	11
Сѣверные предѣлы лѣсовъ	13
Кочки	14
Гибель опушекъ	15
Мерзлота	19
Заболачиваніе лѣса	21
Обиліе ягодъ	23
Самоѣды	23

Перепечатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, изъ XXX тома «Извѣстій» Общества.

Типографія А. С. Суворина. Эргелевъ пер., д. 18.

